

ДИН ЭШВУД

САКУРАДО

ИЗ ПЕПЛА

18+

Дин Эшвуд

Из пепла

<https://litres.ru/74681458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что формирует сознание? Набор электрических импульсов? Память? Или решения, последствия которых не способен просчитать холодный машинный алгоритм?

Осака на пороге новой катастрофы. Личная трагедия семьи Коно, уходящая корнями в далекое прошлое, уже напрямую влияет на судьбу города.

Что за беглянка так упорно стремится преодолеть стену, отделяющую Киото от остального мира? И способно ли слияние двух разумов породить нечто иное?

Ответы на эти вопросы предстоит искать тем, кто окажется втянут в новое противостояние Востока и Запада. Какую цену придётся заплатить героям, и сохранится ли прежний мир — или его придётся собирать заново «Из пепла»?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	33
Глава 2	58
Глава 3	84
Глава 4	107
Глава 5	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дин Эшвуд

Из пепла

...там я воздвигну себе погребальный костер
и превращу в пепел свое злополучное тело,
чтобы мои останки не послужили для какого-нибудь
любопытного ключом к запретной тайне и он
не вздумал создать другого, подобного мне.

Мэри Шелли, *«Франкенштейн, или Современный Прометей»* (1818)

(Перевод З.Е. Александрова)

Пролог

Прохладный ветер доносил с моря глухой рокот волн, бьющихся о прибрежные скалы. Небо затянули тяжелые тучи. Тьма сгустилась настолько, что казалось — протяни руку и коснешься ее кончиками пальцев.

Сверкнула молния, на миг осветив в глубине небольшой рощи закрытый исследовательский центр. Следом воздух прорезал раскат грома. Вторя ему, жалобно дрогнули оконные стекла. Еще немного — и разразится буря.

От одного из корпусов отделилась темная фигура и тут же скрылась среди деревьев. Вскоре, на ощупь раздвигая ветки, из зарослей выбралась девушка и, тяжело дыша, рухнула на пожухлую листву. Ее звали Фуюка.

— Вставай, чего разлеглась? Нас могут хватиться в любую минуту.

Знакомый мальчишеский голос звучал так, будто его обладатель находился совсем рядом. Но Фуюка прекрасно знала: кроме нее здесь никого нет.

— Хейта, ты бы лучше помог, чем языком трепать, — огрызнулась она. — Забыл, что я сейчас ничего не вижу? Где мы?

— Уже близко. До ограды рукой подать.

Она устало вздохнула.

— «Рукой подать» — это сколько?

— Десять шагов, — раздался другой голос. Женский, уверенный.

— Окаё, не лезь, — процедил сквозь зубы еще один незримый спутник по имени Сэйдзи. — Забыла, чем все кончилось в прошлый раз?

Стараясь не обращать внимания на зарождающуюся склоку в голове, девушка ощупала землю перед собой. Только влажная листва, корни да холодная глина.

— Хейта, лаз видишь?

— Вижу. Ползи вперед. Только... — раздалось пыхтение. — Тут Кацумото меня подвинуть пытается.

Еще один мужской голос, грубый и низкий, невнятно промычал что-то в ответ.

Девушка медленно подползла к высокому бетонному забору, поверх которого тянулась колючая проволока, разворошила верхний слой земли — и рука провалилась в пустоту. Отбросив несколько обвалившихся комков мокрой глины, она осторожно полезла в узкий лаз. Сердце билось так громко, что ей чудилось — его стук разносится по всей округе.

В какой-то момент грудную клетку сдавило.

— Хейта, Хейта... — позвала она, но вместо ответа услышала лишь недовольный хрип Кацумото.

Поняв, что сейчас может полагаться только на себя, Фуюка медленно выдохнула и, рывком протолкнув тело вперед, оказалась на свободе.

В тот же миг территорию за забором осветили прожекторы. Взыла сирена. Над зданием, словно рой насекомых, взвился десяток дронов.

Девушка бросилась бежать, но внутренний окрик резко осадил ее.

— Дура, сдохнуть хочешь?! — это вновь был Хейта.

Дрожа, Фуюка застыла на краю обрыва. Внизу ревело море. Черная вода бесновалась среди скал, с грохотом разбиваясь о камни и взметая клочья белой пены.

— Направо, — тихо произнес парень. — Там, кажется, лес.

Фуюка повернулась и бросилась в указанную сторону. Хейта тут же замолчал, словно мысли унесли его куда-то далеко.

Япония, остров Эдзо¹, 1675 год

Запах соли и рыбы, казалось, въелся в кожу Хейты намертво, словно запечатав в нем дыхание моря.

Несколько лет назад, во время подавления восстания на северо-востоке острова, погиб отец. Они с матерью остались одни. Раньше жалованья за службу в замке Мацумаэ хватало, чтобы прокормить семью и пару слуг. Теперь же едва удавалось сводить концы с концами.

¹ Эдзо — старое японское название острова Хоккайдо и прилегающих северных земель; в XVI–XVII веках регион был преимущественно населен айнами и лишь частично контролировался японцами.

Парень брался за любую работу: ходил с артелью в горы на заготовку леса, охотился, помогал в порту сортировать и разделывать рыбу, выполнял поручения соседей. Со временем в деревне привыкли к Хейте. Его уважали за трудолюбие, надежность и прямой характер. Хотя были и те, кому он стал как кость в горле.

Идзаэмон, сын владельца самой богатой лавки у дороги, ведущей к замку, недолюбливал его сильнее прочих. То ли помнил старую обиду, когда Хейта огрел его деревянным мечом, то ли просто завидовал чужой силе, спокойствию и вниманию девушек. Так или иначе, он не упускал случая задеть парня, хотя открытой драки избегал.

Завтра все должно было измениться.

Завтра — Гэмпуку, день совершеннолетия. Хейта получит новое имя и войдет в замок. Сначала младшим слугой, а там, если повезет, станет оруженосцем. Эта мысль согревала даже сквозь пронизывающий ветер и тяжелый запах дождя, собиравшегося над побережьем.

Работы в порту оказалось немного. Завидев приближающийся шторм, рыбаки поспешили вернуться к берегу, и старик Хамада, расплатившись свежей треской, отпустил Хейту раньше обычного.

До дома оставалось всего несколько шагов, когда за спиной раздался насмешливый окрик:

— Эй, Рыбы Кишки! Думаешь, господин доверит тебе клинок? Разве что нож — потрошить рыбу!

Хейта обернулся. По улице, освещенной редкими фонарями, шел Идзаэмон с двумя приятелями. Чуть позади шагала Отоми, внучка рыбака Хамады. Обычно веселая, сейчас она понуро теребила край рукава.

«Что она делает с ними?» — встревожился Хейта.

— Чего такой хмурый? Мы же шутим, — ухмыльнулся Идзаэмон, и его спутники угодливо захихикали. — Вообще-то мы пришли поздравить тебя. От всей души. Даже сакэ раздобыли.

Край его рубахи приподнялся, обнажив тыквенную флягу.

— Спасибо, но мне некогда.

— Жаль, — протянул Идзаэмон, прищурившись. — А Отоми, кажется, хотела что-то тебе сказать.

Девушка подняла глаза лишь на мгновение и тут же отвела взгляд. Но Хейта успел заметить в нем предупреждение.

— Как знаешь, — пожал плечами Идзаэмон. — Если передумаешь, приходи вечером к роще на западном мысу.

Они двинулись дальше. Отоми безмолвно побрела за ними. Хейта посмотрел им вслед, вздохнул и вошел в дом.

Внутри пахло вареным рисом и сушеной рыбой. Мать сидела у очага и штопала старое хаори отца. Услышав шаги, она подняла голову и улыбнулась:

— Сегодня ты рано. Ужин еще не готов.

— В порту почти не было работы. — Он поставил корзину на пол и достал рыбу. — Хамада-сан расплатился треской.

Нам надолго хватит.

— Хватит, — мягко согласилась мать и на миг замолчала.
— Хотя завтра тебе это уже не понадобится. — Она посмотрела на сына с искренней гордостью. — Я закончила хаори. Для церемонии.

Хейта принял одежду. Грубая ткань была тщательно вычищена и аккуратно заштопана.

— Спасибо.

— Ты все больше становишься похож на отца, — тихо сказала она.

Когда рис сварился, они без спешки поужинали. Мать рассказывала о домашних делах, но мыслями Хейта был далеко. Перед глазами снова и снова возникало лицо Отоми.

«Почему она была с ними? И почему выглядела такой встревоженной? Если эти бездельники задумали что-то дурное и втянули ее в это...»

Он резко поднялся и накинул соломенный плащ.

— Куда ты? — насторожилась мать. — Уже стемнело.

— Скоро вернусь.

Коротко сжав ее ладони, юноша сунул за пояс деревянный меч и вышел в ночь.

Моросил дождь. Порывы ветра хлестали по лицу, но Хейта упрямо шагал к западному мысу. На краю рощи, там, где тропа обрывалась над морем, мелькал огонек факела. Между деревьями слышались голоса Идзаэмона и его приятелей. Но рядом с ними был кто-то еще.

Мальчишка.

Он выглядел чужаком: грубый холщовый халат с непривычным узором доходил до колен, штаны перетянуты веревкой. Темные густые волосы спадали на плечи.

Парни развлекались, толкая его и швыряя палки.

— Где ты его нашел? — фыркнул один. — Айны сюда давно не суются. После восстания их оттеснили далеко на север.

Стоило Хейте показаться из-за деревьев, как разговоры смолкли. Он понял: Отоми была лишь приманкой.

— Смотрите-ка, будущий самурай явился! — выкрикнул Идзаэмон. — Принимай наш подарок!

Он приложился к фляге, затем с размаху швырнул ее в лицо незнакомому мальчишке. Тот вскрикнул, закрываясь руками. В следующую секунду Идзаэмон сбил его с ног и прижал к земле.

— Хейта, не хочешь присоединиться? Правда, сакэ уже закончилось.

— Хватит, Идзаэмон! Если в деревне узнают, вам не поздоровится.

— И кто расскажет? Ты? — Идзаэмон поднялся, пнул мальчика и повернулся к Хейте. — Эти дикари убили твоего отца. Мы просто решили помочь тебе отомстить.

По его знаку приятели подхватили айна под руки и потащили к обрыву.

— Стойте! Оставьте его!

Деревянный меч со свистом рассек воздух. Один из парней взвыл, схватившись за руку. Второй получил удар в плечо и отшатнулся.

— Беги! — крикнул Хейта, заслоня мальчика.

Тот сорвался с места и мгновенно исчез среди деревьев. Идзаэмон проводил его взглядом, скривился и сплюнул под ноги:

— Надоело. Все удовольствие испортил. Пошли отсюда, я замерз.

Шайка нехотя двинулась прочь. Хейта остался на краю обрыва в одиночестве.

Внизу грохотал прибой. Ветер тянул с моря сырость и соль. Сердце тяжело колотилось после стычки.

Внезапно земля под ногами дрогнула. Юноша успел лишь понять, что теряет опору. Край обрыва осыпался, и мир рухнул в черную бездну.

Жужжание постепенно стихло. Не обнаружив следов беглянки, дроны отправились прочесывать соседний сектор.

— Все, кажется, улетели, — прошептала Окаё.

— Думаешь, можно выбирать? — уточнила Фуюка.

— Да. И желательно поскорее, — отозвался Сэйдзи. — Пока медведь не вернулся.

— Медведь?..

В сознании вспыхнул чуждый, но пугающе живой образ зверя, которого девушка никогда прежде не видела.

— А что нам оставалось? — вздохнул Хейта. — Едва ты вернула зрение, как эти странные птицы будто почуяли нас. Пришлось выбирать: либо в медвежье логово, либо обратно в клетку.

Только теперь Фуюка почувствовала тяжелый мускусный запах, пропитавший ее временное укрытие. Он подтверждал слова спутников — здесь действительно обитал крупный хищник.

Девушка поползла к выходу, откуда сквозь густую листву тянуло прохладой. Ветви под стволом поваленного дерева разошлись, выпуская ее наружу. И в то же мгновение откуда-то сбоку донеслось приглушенное сопение, переросшее в глубокий утробный рык.

Сердце ушло в пятки. Не оборачиваясь, Фуюка бросилась бежать.

Хейта направлял ее, подсказывая дорогу.

После прошлого неудачного побега Фуюка поняла, что преследователи отслеживают ее по цифровой сигнатуре, и отключила «сид». Вместе с ним вырубились и оптические импланты. Каким образом гости в ее голове по-прежнему все видели, она не понимала, да и разбираться сейчас не собиралась.

Проблема была в другом: без карты и навигации они могли водить ее по лесу до бесконечности. В конце концов Фуюка решилась ненадолго подключиться к системе и выйти в Поток, чтобы понять, где находится. Преследователи мгно-

венно засекли сигнал. Пришлось нырнуть в первую попавшуюся нору, которая, как оказалось, принадлежала медведю.

Зато теперь она знала, куда идти. На юго-востоке лес пересекала широкая трасса, ведущая к границе области.

Судя по звукам, медведь не стал ее преследовать, но Фююка не сбавляла темп. Ветки хлестали по лицу, оставляя жгучие царапины. Несколько раз она падала, обдирая колени, но упрямо поднималась и бежала дальше.

Лишь спустя некоторое время она остановилась и, отдышавшись, прислушалась. Сквозь шелест листвы пробился новый звук — низкий, ритмичный, металлический. Гул моторов.

— Между деревьями просвет, — негромко сообщил Хейта. — По дороге повозки туда-сюда ездят.

Она немного расслабилась. Теперь можно было двигаться вдоль опушки, параллельно трассе, к окраинам Нары.

Почему именно туда?

Обрывки памяти подсказывали, что где-то там ее дом. Да и выбора особо не было: за спиной, на севере, землю, словно застарелый шрам, пересекал гигантский разлом.

И хотя впереди ее ждала другая преграда — стена, огромная и безликая, тянущаяся вдоль горизонта, — она все равно шла туда. Верила, что за ней ее ждет свобода.

Скорее всего, там находится пограничный пост. Появление грязной беглянки без документов неизбежно вызовет вопросы. Если ее уже ищут, ориентировки наверняка разосла-

ны по всему региону.

Фуюка начала прикидывать, как перебраться на другую сторону незамеченной, но очередная перепалка между Окаё и Сэйдзи мешала ей сосредоточиться.

Эта парочка раздражала сильнее Кацумото — тот хотя бы молчал.

Окаё всюду распекала мужа за трусость перед медведем, смакуя нелепые сценарии: мол, будь у Сэйдзи тело, он первым бросился бы наутек, бросив жену на съедение, а то и сам толкнул бы в лапы зверю, спасая собственную шкуру.

Фуюка знала, что в своей прошлой жизни эти двое были женаты, но какая давняя обида заставляла Окаё исходить такой желчью в адрес супруга, оставалось загадкой.

Япония, город Нагоя, 1891 год

Сэйдзи, стоя у выхода из театра, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Холодный вечерний воздух пах сырой землей, сакэ и копотью фонарей.

Публика расходилась неохотно, будто не желая окончательно расставаться с чужой трагедией, еще недавно развернувшейся на сцене. По мостовой скользили женщины в шелковых кимоно. У некоторых после финала пьесы припухли глаза, кто-то украдкой вытирал слезы платком. Мужчины держались впереди, расправив плечи и старательно изображая невозмутимость.

Пойти на премьеру предложила жена. Она уверяла, что

пропустить столь громкое событие невозможно: яркие афиши у театра зазывали на «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки», где главных героев играл знаменитый дуэт актеров, прибывших с гастрольями из Осаки.

Кабуки Сэйдзи не любил. Для него этот театр так и остался наследием уличных балаганов — шумным, нарочитым зрелищем для простолюдинов. Люди его положения посещали подобные представления не ради удовольствия. Здесь обменивались поклонами, заводили полезные знакомства, напоминали о себе тем, чье расположение могло однажды пригодиться.

Он купил лучшие места — не столько из интереса к спектаклю, сколько ради семейного благополучия. Но весь вечер наблюдал одну и ту же картину. Жена то и дело поднималась со своего места, куда-то уходила, возвращалась бледная и рассеянная, вызывая косые взгляды соседей и приглушенный шепот за спиной. Сегодня она, похоже, превзошла саму себя и еще заставляет себя ждать после представления.

С противоположной стороны улицы донесся шум. Из питейного дома вывалились двое офицеров. Оба были пьяны; мундиры расстегнуты, лица покраснелись от выпивки. Один походя пнул сидевшего у стены нищего. Тот покатился по камням, прикрывая голову руками. У Сэйдзи, наблюдавшего за сценой, неприятно сжалось внутри. На мгновение ему показалось, что офицеры направились прямо к нему. Он невольно отвел взгляд, но те, громко смеясь, прошли мимо.

Легкое прикосновение к спине заставило его вздрогнуть. Он обернулся. Рядом стояла жена — бледная, измученная. Служанка поддерживала ее под локоть.

— Отвези меня домой, — тихо сказала Окаё.

Он молча кивнул. словно дожидаясь этого знака, из темноты тут же появились рикши. Сэйдзи усадил Окаё в коляску, и через минуту они уже ехали по вечерним улицам. Мимо проплывали фонари, вывески, темные фасады домов.

Внезапно коляску качнуло. Рикша оступися, но удержался на ногах. Сэйдзи насторожился. Перед глазами сразу возник обрушившийся неделю назад мост — треск дерева, крики и черная вода, в которую падали люди.

— Давай в объезд, — коротко велел он.

Окаё недовольно шевельнула плечом:

— Это лишний час. — Помолчав, она добавила с холодной усмешкой:

— Тодзиро не заставил бы Охацу трястись в рикше всю ночь.

Сэйдзи сделал вид, что не расслышал. Остаток пути супруги не проронили ни слова.

Когда добрались до особняка, Окаё сразу поднялась в спальню. Он же заперся в кабинете — с бокалом виски и тяжелыми мыслями. Перед глазами стояло ее лицо: бледные щеки, уставшие глаза. Не красавица, не молодая, часто болела... Что связывало их все эти годы? Привычка, расчет, случай? Она — дочь министра. Благодаря этому браку он полу-

чил должность, о которой прежде не смел мечтать. Но любил ли он жену когда-нибудь?

Спать он лег далеко за полночь. На рассвете его разбудило странное ощущение. Казалось, сам воздух стал плотным и тяжелым, словно перед грозой. Окаё спала рядом. На миг Сэйдзи почудилось, что она умерла, но затем он заметил едва уловимое движение груди.

Он вышел в коридор, и в ту же секунду пол под ногами дрогнул. Стены качнулись, где-то звякнула посуда, с грохотом рухнула ширма. Из спальни донесся крик. Он не сразу понял, зовет ли жена на помощь или осыпает его проклятиями:

— Сбежал, трус! Оставил меня одну!

Пол ходил ходуном. Балки трещали. Дом разваливался на глазах. Сэйдзи посмотрел на дверь, ведущую наружу, рванулся к ней — и сделал то, что в тот миг показалось единственно разумным.

Но добежать он не успел. Раздался глухой треск, несущие балки не выдержали, и особняк рухнул.

Почти сутки Фуюка пролежала в зарослях у обочины, дожидаясь подходящего момента. Слушала, как мимо ходят патрули, хлопают двери машин, со скрежетом вскрываются грузовые отсеки и проводятся досмотры. В конце концов удача все же улыбнулась ей.

У шлагбаума остановился грузовик. Шины прошуршали

по асфальту, двигатель тяжело вздохнул и смолк. Почти сразу донеслись голоса.

— Кодзи, ты нас за идиотов держишь? У тебя весь кузов забит чистокровными куробутами. А в документах что написано? Ты вообще понимаешь, что вывоз этой породы запрещен?

— Господин Камия, какие еще куробуты? Да обычные свинки. Просто немного перепачкались.

— Сейчас посмотрим, насколько «немного». Открывай.

По металлическому трапу загрохотали сапоги — кто-то забрался внутрь. После нескольких долгих секунд молчания шаги повторились: люди покинули кузов. Прозвучала короткая команда:

— Чисто. Пропускаем.

В этот момент Хейта шепнул:

— Никто не смотрит. Сейчас.

Она скользнула в густую темноту, пропитанную запахом соломы, навоза и теплым дыханием животных. Окружающее пространство дрогнуло: по полу и стенам прокатилась едва ощутимая вибрация, и фура медленно тронулась с места. В кузове заскрипели крепления. Словно вторя им, тревожно завизжали, почуяв чужака, свиньи.

Раздался брезгливый голос Окаё:

— Прекрасно. Мало того что нам пришлось несколько дней делить с тобой вкус мокрого мха и кислых ягод, так теперь еще едем в компании грязных хрюшек.

Фуюка промолчала. Она сидела неподвижно, вслушиваясь в происходящее снаружи. Еще немного — и пограничный пост останется позади, растворится в тумане вместе со стеной, разделяющей два мира.

Фуру качнуло. Колеса пересекли контрольный барьер. В этот миг ей показалось, что время замкнулось в кольцо. Когда-то их так же везли навстречу новой жизни. Только вместо грязного кузова был теплый автобус. Девочки перешептывались, строили догадки о богатом мужчине, который забрал их из приюта, мечтали о мягких игрушках, красивых платьях и собственных комнатах. Реальность встретила их холодом и стерильным запахом антисептиков.

Потом была операция — и мир впервые обрел форму. Фуюка научилась различать очертания предметов. Не идеально, но достаточно, чтобы больше не чувствовать себя ущербной. Что значит видеть по-настоящему, она поняла позже, когда им позволили войти в Поток — искусственный мир внутри сознания.

Время от времени кого-то из девочек забирали.

Первой была Сакура. Потом Куроха. А затем пришли и за ней. Начались процедуры, после которых голова раскалывалась так, будто в череп заливали расплавленный металл.

Словно откликнувшись на эти мысли, в сознании глухо замычал Кацумото. Фуюка не понимала, пытается он ее поддержать или просто выражает недовольство. О его прошлом она тоже ничего не знала — по вполне понятным причинам.

Северо-Восточный Китай, окрестности Харбина, 1944 год

— Здесь все просто, — сказал полковник Накадзима, распахивая дверцу металлического шкафа. — Название процедуры, результат, вывод. Никакой самодеятельности.

Он перебрал папки на полке, нашел нужную, сел напротив посетителя, сделал пометку остро заточенным карандашом, поправил очки и протянул документ.

— В Чибе о вас отзывались весьма лестно, лейтенант Кацумото. Надеюсь, вы оправдаете это доверие. И надеюсь, понимаете: все, что мы здесь делаем, служит Империи. Запомните еще кое-что.

Полковник кивнул в сторону окна. За стеклом возвышалась серая стена тюремного блока.

— Там нет людей. Только «бревна»².

Он откинулся на спинку стула.

— Свободны.

Посетитель выпрямился, коротко поклонился и направился к выходу. Провожая его взглядом, Накадзима невольно отметил высокий рост, ширину плеч и тяжелую поступь. Такому место в строю с винтовкой, а не за лабораторным столом.

² Марута (досл. «бревна») — циничный термин, которым сотрудники секретного японского «Отряда 731» называли подопытных людей в предвоенные годы и во время Второй мировой войны.

Накадзима был не первым, кого смущала внешность лейтенанта Кацумото. Еще в университете преподаватели и соскурсники посмеивались над его огромными ладонями: «С такими пальцами ты не сможешь даже нить в игольное ушко продеть, не то что артерию зашить».

Хирурга из него не вышло, зато он преуспел в другой области. Его заметили, когда он защитил работу по инфекционным агентам, и вскоре направили на офицерские курсы в Армейскую медицинскую школу в Чибэ. Там впервые он услышал слова, которые стали смыслом его жизни: «Наука — это наше оружие. С ее помощью мы создадим будущее Империи».

Когда началась война, его перевели в Маньчжурию. Серые бараки, бесконечный холод и ветер не имели ничего общего с университетскими лабораториями. Поначалу Кацумото доверяли лишь ассистировать в экспериментах на крысах и мышах. Он работал с одержимостью человека, убежденного в собственном предназначении. Все, что существовало за пределами лаборатории, казалось второстепенным и не заслуживающим внимания.

Однажды, спеша с отчетом к начальству, он задел ногой тележку, оставленную посреди коридора. Брезент соскользнул. На мгновение взгляд задержался на человеческих останках, сваленных внутри.

«Бревна», — повторил он про себя, словно защитное заклинание, и пошел дальше.

Вечера проходили в тесной комнате на втором этаже офицерского корпуса. От предложений выпить или развеселиться в компании женщин он неизменно отказывался. Читал профессиональные журналы, книги и письма от жены с дочерью.

В одном из последних писем жена сообщала, что после бомбардировок Токио оставаться там стало опасно, и потому она вместе с Ёко переезжает к родителям под Нагасаки. Многие офицеры жили в гарнизоне с семьями, однако ее родители были категорически против. «Не место женщине и ребенку в варварских краях», — говорили они.

Кацумото тосковал по родным, но их письма согревали сильнее старой печи, едва справлявшейся с отоплением этажа.

Со временем его старания заметили. На общем собрании руководство оценило успехи в работе по усилению вирулентности патогенов. Он получил премию, а вскоре был переведен в непосредственное подчинение Накадзимы.

В операционной полковник любил повторять одну и ту же речь, будто убеждая не только подчиненных, но и самого себя:

— Мы приближаем конец войны. Русские давят с севера, янки подступают с моря. Если мы не научимся защищаться, их сапоги будут топтать нашу землю. Здесь мы меняем саму природу войны.

Эти слова помогали Кацумото справляться с подступающей тошнотой и унимать дрожь в руках при изъятии образ-

цов.

В начале лета Накадзима задумал новый эксперимент. Для него требовалась взрослая женщина. В тюремный блок отправили запрос, но к назначенному времени никого не доставили.

— Разберитесь, — приказал ему полковник.

Во дворе царил суматоха. Солдаты бежали через плац, волоча пулемет. Выяснилось, что несколько заключенных убили охранника и забаррикадировались в одном из корпусов. Пришлось ждать, пока мятеж будет подавлен.

Начальник блока встретил лейтенанта взглядом человека, готового сорваться на любого, кто подвернется под руку. Однако имя Накадзимы быстро остудило его пыл.

С пленными в тот день не церемонились. Их били прикладами, разгоняя по углам. Из толпы вытащили первую попавшуюся женщину и поволокли к выходу. За подол ее платья цеплялась маленькая девочка. Вероятно, дочь. Один из охранников уже занес дубинку, собираясь ударить ребенка по рукам, но лейтенант остановил его. Он осторожно разжал тонкие пальцы, которыми девочка держалась за мать, поднял ее на руки и жестами попытался показать, что они скоро вернутся.

В ту ночь ему приснилось, что на операционном столе лежит не пленница, а его собственная жена.

После этого кошмары начали возвращаться снова и снова. Он почти перестал спать. Чтобы хоть ненадолго забыться,

пил разведенный водой спирт, тайком вынесенный из лаборатории — офицерский паек алкоголя заканчивался у него в первые же дни.

Однажды пришло письмо. Внутри лежала крошечная фигурка оригами — лягушонок. Жена писала, что Ёко сложила его сама. Ниже неровными детскими буквами было выведено: «Папа, возвращайся скорее. Ква-ква».

Он долго сидел неподвижно, пока строчки расплывались перед глазами.

Тем временем Накадзима заметил любопытную закономерность: если лейтенант лично отправлялся в тюремный блок, нужный материал находился значительно быстрее. Каждый раз при появлении Кацумото та самая девочка выбегала навстречу и что-то быстро говорила на своем языке. Наверное, спрашивала о матери.

Он не понимал ее слов. И не хотел понимать. Молча выбирал очередную жертву и уходил.

Однажды девочка не подошла. Она играла с другими детьми, прыгая по камере, как лягушка. От этого зрелища внутри болезненно дрогнуло. Вспомнилось письмо дочери.

Той ночью ему приснился преподаватель из училища, препарирующий лягушку на демонстрационном столе. Когда фигура подняла голову, вместо преподавателя он увидел Накадзиму.

Утром он застал полковника за сборами.

— Быстрее. Возьмите журнал номер пять, секундомер и

бинокль. Мы выезжаем на полигон.

Они прибыли одними из последних. На вершине холма оборудовали смотровую площадку с рядами стульев, расставленных, как в театре. Руководители занимали места, переговариваясь между собой. Внизу до самого горизонта тянулось поле, густо утыканное крестами.

Спустя некоторое время подъехали грузовики, и солдаты начали выгружать заключенных. Лейтенанту показалось, что среди пленников мелькнула знакомая фигурка. Когда ее привязывали к кресту, он заметил, что это ребенок — ноги не доставали до земли.

Он поднял бинокль и тогда узнал ее. Девочку из тюремного блока. Внезапно в голове что-то щелкнуло. На мгновение Кацумото увидел на кресте собственную дочь — Ёко. Руки задрожали и опустились.

Солдаты закончили приготовления. Начался обратный отсчет.

Вокруг негромко переговаривались офицеры, обсуждая предстоящий вечер в честь удачных испытаний нового оружия. Накадзима хвалил своего подчиненного перед начальством, называл достойным сыном Империи. Лейтенант уже ничего не слышал.

В следующий миг он бросился к стоявшему неподалеку мотоциклу. Оттолкнул водителя, вскочил в седло и рванул с места. Позади закричали, кто-то попытался его остановить, но безуспешно. Накадзима потребовал немедленно прекра-

тить испытание, однако начальник полигона приказал продолжать.

За спиной звучал отсчет:

— Десять... девять... восемь...

А в голове крутились совсем другие слова: «Папа, возвращайся скорее. Ква-ква». «Возвращайся скорее». «Ква-ква».

Кресты стремительно приближались. По низине уже расползалась тонкая дымка. В воздухе появился резкий запах — смесь чеснока и жженой резины. Он задержал дыхание. Вокруг корчились люди.

Увидев девочку, Кацумото бросил мотоцикл и побежал к ней. Пальцы лихорадочно вцепились в проволоку на ее запястьях.

«Ква-ква. Ква-ква. Ква-ква», — слова стучали в висках.

Хотелось сделать вдох. Организм больше не мог сопротивляться. Спазм сдавил грудь. Горло и легкие вспыхнули нестерпимым огнем. Мир перед глазами поблек. Он все еще пытался разорвать проволоку, но силы оставили его.

Медленно оседая на землю, он в последний раз увидел перед собой маленькую фигурку на кресте.

Фура мерно покачивалась на выбоинах проселочной дороги. Однообразная тряска убаюкивала, веки тяжелели, и усталость последних дней наконец взяла свое. Фуюка задремала.

Словно пользуясь беззащитностью девушки, в ее созна-

ние медленно проникли чужие воспоминания. Они сменяли друг друга, но Фуюка была там будто наяву: видела все до мельчайших деталей и проживала чужие, незнакомые жизни.

Сначала пришел запах — соленый, терпкий, пропитанный водорослями и рыбой. Затем налетел влажный ветер, принесший далекий рокот прибоя.

Фуюка стояла на краю утеса. Сердце колотилось так, словно секунду назад ей пришлось отчаянно бороться за жизнь. Она только начала восстанавливать дыхание, когда земля ушла из-под ног.

Мир перевернулся.

Падение длилось миг. Чьи-то жилистые, шершавые руки ухватили ее за запястья и рывком дернули вверх. Перед ней стоял загорелый парень с обветренным лицом. Короткий халат, расшитый грубыми узорами, трепетал на ветру.

Он ткнул пальцем себе в грудь:

— Икума.

Фуюка, не задумываясь, ответила:

— Хейта.

Море исчезло.

Соленый воздух сменился запахом гари и пыли. Она очнулась в тесном, душном пространстве. Попыталась пошевелиться — где-то рядом заскрежетало стекло, а правую ногу пронзила такая боль, что крик захлебнулся в груди, вырвавшись сдавленным стоном.

Когда боль отступила, Фуюка позвала на помощь. Голос прозвучал глухо, будто из-под толщи земли.

Что-то капнуло на лицо. Она провела ладонью по щеке и поднесла пальцы к носу. Влага. Липкая, с металлическим запахом крови. В груди похолодело. Рука сама легла на живот.

«Лишь бы с ребенком все было в порядке...»

Следом ледяной волной накатила чужая горькая мысль: «Сэйдзи бросил меня. Сбежал, спасая свою шкуру. Подонок. Ненавижу».

Снаружи раздался раздраженный крик:

— Почему у дома Накано до сих пор никого нет?! Вы вообще знаете, кто там живет? Дочь министра Като с мужем! Живо разбирайте завалы! Если министр узнает, что мы опоздали, нас самих здесь похоронят!

Сквозь узкие щели пробились полосы света. Пыль закружилась в них серебристой взвесью. Затем доски над головой рухнули, и ослепительное солнце ударило в глаза. Фуюка зажмурилась, а когда снова открыла их — увидела Сэйдзи.

Он нависал над ней, прикрывая своим телом. Из его груди торчал деревянный обломок.

Картину семейной трагедии сменили иные видения: города в руинах, обугленные тела, бредущие среди обломков люди. Огромные огненные грибы распускались в небе, выжигая глаза и плоть, и над всем этим всходило черное солнце.

Чьи-то мягкие ладони коснулись ее лица. Медленно, сквозь вязкую темноту, возвращалось сознание.

— Он очнулся? Он меня слышит? — будто издалека донесся мужской голос. — Кацумото? Лейтенант Мурата Кацумото, вы меня слышите?

Фуюка открыла глаза. Над ней — белый потолок, лампа, и двое: медсестра в халате и мужчина в военной форме. Она попыталась ответить, но из горла вырвалось лишь невнятное мычание.

— Полковник Накадзима, у него тяжелый химический ожог дыхательных путей, — сказала медсестра. — Гортань серьезно повреждена. Боюсь, речь уже не восстановится.

— Хорошо. Оставьте нас.

Когда дверь закрылась, в палате воцарилась тишина. Полковник вздохнул и тихо сказал:

— Не беспокойся. Я убедил руководство, что ты выполнял свой долг. Сказал, что мы просто не успели взять необходимые образцы крови. Если начнут расспрашивать — придержишься этой версии.

Он направился к выходу и, уже взявшись за ручку двери, добавил:

— Поправляйся. Через несколько дней зайду.

Едва он ушел, в коридоре снова застучали каблуки. Медсестра вернулась, подошла к радиоприемнику и повернула ручку. Сквозь треск помех прорезался сухой голос диктора:

«Сегодня в одиннадцать часов два американских самолета совершили налет на Нагасаки. По имеющимся данным, город пострадал от сильного взрыва и пожара. Ведется рас-

следование характера атаки...»

Фуюку разбудили глухие удары по борту кузова. Машина стояла.

Мгновенно накатила паника. Нашли. Выследили. Значит, все было напрасно.

— Эй! — донесся снаружи приглушенный голос. — Думаешь, я тебя не заметил?

Девушка замерла, затаив дыхание.

— Вылезай. Не трону.

Фуюка узнала голос водителя.

Пальцы дрожали, пока она поднималась, цепляясь за холодный шершавый металл. Каждое движение отдавалось тупой болью, ноги едва держали. Свиньи беспокойно зафыркали и отступили к дальней стенке кузова.

Загудел механизм пандуса. Когда створка опустилась, внутрь ворвался прохладный воздух, пахнувший мокрой землей и листвой.

— Ты одна? Не бойся, я не причиню вреда. Мне все равно, кто ты и от кого бежишь.

Фуюка осторожно шагнула на звук. Чужие ладони подхватили ее под локти — крепко, но бережно — и мужчина помог ей спуститься на землю.

Земля качнулась под ногами.

— Что у тебя с глазами?.. Ты что, слепая?

Она кивнула.

— Слушай, мне некогда с тобой возиться. За поворотом

уже пост осакцев, — мужчина тяжело вздохнул. Хлопнула дверца кабины, и через мгновение на плечи девушки легла куртка — теплая, пахнущая машинным маслом и потом. Следом он вложил ей в руки пару шерстяных носков и тяжелые сапоги. — Пойми, если решат, что я провожу нелегалов, товар конфискуют. Я потеряю все. А мне семью кормить.

— Спасибо, — прошептала Фуюка. — Я все понимаю.

Двигатель ожил, заворчал. Колеса заскрежетали по гравию, и вскоре шум машины растворился в сыром лесном воздухе.

Она застегнула куртку, сменила промокшие тряпичные кеды на подаренную обувь. Некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к шелесту листвы. Потом шагнула вперед и скрылась между деревьями.

Глава 1

Пригород Осаки радовал глаз свежими фасадами новеньких аккуратных коттеджей и невысоких домов, словно только вчера сошедших со страниц рекламных буклетов. Задышавшийся от перенаселения мегаполис торопливо раздвигал границы, поглощая окрестные земли.

Вскоре ровный асфальт закончился, под колесами зашуршал гравий. По обе стороны дороги раскинулись рисовые поля, затянутые сизой дымкой. За ней постепенно проступили окраины Нары, а еще через несколько минут Рюдзи въехал в город.

Его встретила неестественная тишина. Улицы напоминали декорации старого фильма о конце света. От домов остались перекошенные бетонные остовы с пустыми глазницами окон. Одни почти целиком поглотила растительность, превратив в причудливые сплетения корней, листвы и ржавой арматуры; стены других сплошь покрывало граффити.

— Агент Коно, — раздался слева ровный женский голос. — Я зафиксировала антиправительственные лозунги. Начать поиск нарушителей?

Рюдзи вздрогнул и покосился на напарницу. JIN-NX10 — или просто Джин, как он называл ее про себя, — принадлежала к новейшей серии служебных кукол, которыми теперь комплектовали каждый отдел. Безупречная осанка, спокой-

ное лицо — ни усталости, ни раздражения, ни сочувствия. За время пути он успел забыть, что едет не один.

Он снова посмотрел в окно. На бетонных фасадах мелькали размашистые надписи: «Распустить городской совет!», «Люди не мусор!», «Единая нация!», «Арбитры — не люди!» Краска местами потекла от дождей, но буквы все еще цеплялись за шероховатые стены, упрямо выставляя напоказ чужой протест.

— Нет. Действуй только по моему приказу. Главный приоритет — моя безопасность.

— Принято.

Веки Джин едва заметно дрогнули. Рюдзи неожиданно вспомнил запах дешевого табака, которым вечно разило от Рэна, и его идиотские шуточки. Сейчас он был бы даже рад им.

Спустя некоторое время на обочине показался перевернутый, развороченный кузов хэтчбека. Стекла выбиты, салон выгорел дочерна. На асфальте застыло жирное темное пятно, напоминающее свежий след взрыва.

Чуть дальше дорогу перегородила толпа. Люди стояли плотной стеной: кто-то потрясал над головой картонными плакатами, кто-то кричал, срывая голос.

— Руки прочь от Икаруги!

— Мы не уйдем!

— Верните наши дома!

Рюдзи сбросил скорость, и митингующие тут же обступили

ли машину. К стеклам прижимались изможденные лица с потухшими глазами; на худых телах висели рваные обноски, давно утратившие и цвет, и форму. Беженцы. Изгнанники старого мира, так и не нашедшие себе места в новом.

Однако среди них попадались и другие — крепкие, уверенные, с закрытыми лицами, в защитной экипировке. Они держались чуть поодаль, отдавали короткие команды, и толпа откликалась на них мгновенно, словно единый организм.

«Знакомая схема. Всегда находится тот, кто дергает за ниточки».

В Наре такими кукловодами были главари местных банд. Они поделили между собой остатки города и теперь цеплялись за жалкую иллюзию власти, разыгрывая из себя хозяев руин.

За головами людей уже виднелась цель поездки — стройплощадка будущего района «Нагорья Икаруги», который должен был вырасти на месте старых кварталов. Именно сюда Юмико направила Рюдзи, отследив сигнатуру Иноуэ Гэндзи — человека, косвенно причастного к гибели его родителей. В базах он теперь значился под именем Ёсида Киёси.

В воздух поднимались пыль и сизые выхлопы, грохотала техника. До ворот оставалось не больше десятка метров, когда по капоту забарабанили кулаки. Кто-то оступился прямо перед машиной и едва не угодил под колеса.

— Агент Коно, — произнесла Джин. — Действия этих людей угрожают вашей жизни? Требуется вмешательство?

Рюдзи крепче сжал руль. Провоцировать толпу не хотелось, но еще немного — и машину действительно могли опрокинуть. Он уже собирался приказать Джин применить ультразвуковой подавитель, когда воздух разорвала короткая пулеметная очередь.

Гильзы со звоном посыпались на асфальт. Толпа содрогнулась и распалась: люди, падая и толкая друг друга, бросились врассыпную.

Посреди улицы, прямо перед въездом на стройплощадку, стоял штурмовик в боевом экзоскелете с эмблемой спецподразделения «Родан». Он поднял в небо дымящийся ствол пулемета и махнул свободной рукой, велел проезжать.

Миновав его, Рюдзи припарковался возле административных модулей. Едва он выбрался из салона, к нему поспешил невысокий мужчина в каске и оранжевом жилете.

— Вы из Департамента безопасности?

— Да. Вы нас ждали?

— Я только что отправил запрос по поводу найденного «проба». Не думал, что вы приедете так скоро.

— Мне об этом ничего не известно. Я по другому делу. Мне нужен Ёсида Киёси.

— Старик Ёсида? Так он эту девчонку и обнаружил. — Мужчина поклонился. — Кацура, старший инженер. Пойдемте, я вас провожу.

— Агент Коно, — представился Рюдзи.

За его спиной хлопнула дверца. Джин подошла к ним, на

мгновение задержав взгляд на штурмовике у ворот.

— Экзоскелет «Богомол», Mark III, производство «JINGU Arsenal», — бесстрастно сообщила она. — Реактивная броня четвертого поколения, нейромостовые сервоусилители, модульная система вооружения.

Кацура смерил ее коротким, недоверчивым взглядом.

— Значит, вы теперь тоже с этими работаете?

— С кем именно?

— С куклами. С кем же еще.

— Вы что-то имеете против?

— Знаете, чего мне стоило выбить этот заказ?

Инженер обвел рукой стройплощадку. Между погрузчиками и тяжелыми мехами сновали рабочие, перекрикивая рев двигателей. Вспыхивала сварка, грохотал металл, воздух был густ от пыли, бетонной крошки и горячего железа.

— Все потому, что в моей бригаде работают живые люди, — продолжил Кацура. — Как нам конкурировать с компаниями, которые используют кукол? У них дешевле, быстрее. Никаких выходных, больничных и профсоюзов. А нам куда деваться? Нам тоже жить надо.

Рюдзи дал ему выговориться и лишь затем покосился на неподвижное лицо Джин.

— Господин Кацура, давайте отложим разговор о морали и роботах. Вы собирались проводить меня к господину Ёсиде. Заодно покажете найденного «проба».

— Конечно, конечно. — Инженер торопливо закивал. —

Идемте.

Миновав основной участок работ, они вышли к зоне демонтажа, где шагающие экскаваторы и бульдозеры перемалывали остовы полуразрушенных домов.

Кацура остановился возле трехметрового меха³ с открытой кабиной. Желтую краску на манипуляторах избороздили глубокие, похожие на шрамы царапины; по корпусу расплзлась ржавчина, запыленное стекло пересекала тонкая трещина. Один из гидравлических шлангов держался на временной стяжке.

Рядом сидели двое: седой рабочий в замасленном комбинезоне и молодая девушка в теплой куртке и резиновых сапогах явно не по размеру. Она с аппетитом уплетала бэнто и что-то увлеченно рассказывала, заставляя старика время от времени улыбаться.

— Эй, Ёсида! — крикнул Кацура. — Это господин Коно из Департамента безопасности.

Рабочий обернулся. Рюдзи сотни раз прокручивал в голове этот момент: представлял, как набросится на Иноуэ, схватит за грудки и заставит признаться в содеянном. Но теперь, встретившись с ним взглядом, не почувствовал ничего, кроме растерянности.

Старик походил на своего изношенного меха. Сухую ко-

³ Мех (мéха; англ. mech(a)) — устоявшееся название пилотируемой механической машины в научной фантастике, передвигающейся на двух или более ногах. Чаще всего используется в боевых или промышленных целях.

жу лица и рук покрывали темные пятна, под глазами залебли глубокие тени, от виска к шее проступала багровая сетка лопнувших сосудов. Такое поражение тканей должно было причинять непрерывную, изматывающую боль. По-видимому, нейроимплант подавлял большую часть сигналов — иначе трудно было понять, как Иноуэ вообще держится на ногах.

— Добрый день. — Старик поднялся и указал на девушку. — Нашел ее около часа назад, когда разбирал здание. Пряталась в одной из комнат. Еще немного — и ее бы завалило. — Я о ней позабочусь, — ответил Рюдзи. — Но сначала нам нужно поговорить. Господин Иноуэ.

Старик покосился на Кацуру, но инженер, похоже, ничего не расслышал за грохотом работавшего неподалеку бульдозера.

Рюдзи тут же поспешил избавиться от лишних ушей:

— Господин Кацура, благодарю за содействие. Дальше мы разберемся сами.

— Да, конечно. — Инженер кивнул и, поправив каску, направился обратно к воротам.

— Кто вы? — спросил Иноуэ, едва тот скрылся из виду. — И откуда знаете мое настоящее имя?

Вместо ответа Рюдзи раскрыл удостоверение. Старик пристально взгляделся в документ.

— И что понадобилось от меня специальному агенту Департамента?

— У меня есть вопросы по одному давнему делу.

— Понятия не имею, о чем. Я простой рабочий. А если вас интересует моя прежняя жизнь, то за нее я уже расплатился. Даже за то, чего не совершал.

— Чего именно?

— Пойдите... Коно. — Иноуэ нахмурился. — Знакомая фамилия. Где я мог ее слышать?

— Коно Мияко. Олег Тамарин. Эти имена вам что-нибудь говорят?

— Тамарин... — повторил Иноуэ, и прежняя сухость исчезла из его голоса. — Русский дипломат и его семья. Их ограбили и убили за пару лет до того, как все полетело в ад. У них еще ребенок был. Кажется, тоже погиб.

— Он выжил. И теперь хочет получить ответы. Прежде всего — узнать имя заказчика. Судя по материалам, которые мне удалось достать, ограбление было инсценировано.

— Выжил... Значит, ты их сын. Сочувствую, Коно. Но я знаю не больше того, что крутили в новостях.

— Вы проходили по делу одним из главных подозреваемых.

— Отвечу тебе так же, как тому следaku, что выбивал из меня признание: не знаю я ни черта. Ни я, ни мои люди к убийству твоих родителей отношения не имели.

— Ваши люди — это клан Куромацу-кай?

— Да. Копам нужен был повод, чтобы нас прижать. То дело развязало им руки. Полиция, общественная безопасность,

контрразведка — все будто с цепи сорвались.

— Хотите сказать, вас подставили?

— Думаю, не только нас. В деле мелькали какие-то правительственные документы. Твоих родителей объявили русскими шпионами. Кому-то наверху позарез требовалось громкое, резонансное дело.

— Тогда почему вас не осудили? И как вы оказались в программе защиты свидетелей?

— Защита? — Старик хмуро усмехнулся. — Так это называлось на бумаге. Просто ширма, чтобы все выглядело законно.

Иноуэ закурил.

— Когда случилась катастрофа, нас отправили на Хамаоку — чистить реакторы. Пообещали свободу, новые документы и чистую биографию. Мы там многих похоронили. В том числе и босса — Куромацу Такэру. Может, слышал?

— Куромацу Кадзуо случайно не его родственник?

— Сын. Сейчас Кадзуо держит в руках всю игорную столицу Кансая, а тогда отцу слова поперек сказать боялся. Незадолго до нашего ареста он внезапно исчез. Очень вовремя. Мы решили, что конкуренты воспользовались суматохой и убрали парня. Представь мое удивление, когда он объявился живым, да еще и подмял под себя целый город. Теперь я уверен: это он сдал и отца, и весь клан. Только сделать я уже ничего не могу.

— Почему вы так решили?

— Все обвинение держалось на одной банковской выписке: деньги со счета твоего отца перевели на фирму, оформленную на мое имя. Доступ к реквизитам был только у меня и у босса, бумаги лежали в сейфе Такэру. Видимо, Кадзуо до них добрался и передал тем, кто готовил убийство.

Иноуэ стряхнул пепел.

— Сам подумай, что за бред: вырезать семью русского дипломата, а потом перевести его деньги на счет подставной конторы якудза. Все равно что грохнуть министра посреди Сибуйского перекрестка и оставить рядом визитку со своим именем.

— Получается, Кадзуо как минимум был связан с убийцами.

— Связан? — старик зло сплюнул. — Он помог им похоронить наш клан. Когда доберешься до этой крысы, передай мои слова: Иноуэ Гэндзио желает ему сдохнуть в сточной канаве. Без могилы и без имени.

Разговор прервал голос девушки, о которой все уже успели забыть. Отложив бэнто, она подошла к Джин и коснулась пальцами ее лба.

— У этой женщины нет души, — произнесла она.

Реакция куклы не заставила себя ждать:

— Личность гражданки не установлена. Совпадения в базах отсутствуют. Выполнить вероятностное сопоставление лицевых паттернов?

— Нет, — оборвал ее Рюдзи. — Проведи стандартный

тест на пробужденное сознание.

— Да не утруждайтесь, — вмешался Иноуэ. — Эй, Хейта, расскажи этому господину, откуда ты родом.

Девушка моргнула, и ее взгляд на мгновение стал отрешенным.

— Из Эдзо.

— И чем ты там занимался?

— Служил в замке у господина Нобухиро.

— А сюда как попал?

— Умер.

Рюдзи нахмурился.

— Расскажи подробнее.

— Мы возвращались с Хонсю. Поднялся шторм, корабль пошел ко дну. Я думал, что попал в загробный мир. Потом Фуюка объяснила: прошло несколько сотен лет, мир изменился.

— Кто такая Фуюка?

— Сосуд. Хозяйка этого тела.

— И ты можешь с ней общаться?

— Конечно. Все мы можем. Только сейчас она спит.

— Все?

— Я, Сэйдзи, Окаё и Кацумото. Правда, Кацумото только мычит, но мы его понимаем.

На лице девушки проступила улыбка, словно она рассказывала о старых друзьях.

— Мы сторожим, пока Фуюка спит. Вдруг снова появятся

жуужащие насекомые или люди из черных фургонов. Но вы, кажется, не злые. Дяденька Иноуэ даже накормил меня. До этого я три луны ничего не ел.

— Почему ты сказала... сказал, что у Джин нет души?

— По глазам видно. Они пустые.

— У него одна душа. — Девушка указала на Иноуэ. — А у вас — две.

Ладони Рюдзи резко похолодели. В памяти мгновенно всплыла та запись... момент на крыше Департамента безопасности. Когда он кричал что-то о чести и долге, угрожая отомстить некоему Инабе Масатаде.

«Значит, две души».

Сомнений не оставалось: эта пробужденная была особенной. Во всех известных ему случаях новая личность полностью вытесняла сознание носителя. Здесь же Фуюка никуда не исчезла, а вместе с ней в одном теле уживались еще четверо.

Он достал коммуникатор, набрал номер Эмуры Кацуо, директора центра «Кайдзэн», и коротко изложил ситуацию. Закончив разговор, Рюдзи повернулся к девушке:

— Хейта, тебе придется поехать со мной.

— Фуюка будет против. Мы так долго сюда добирались. Она сказала, что здесь ее дом.

— Дом?

Рюдзи поднял взгляд и заметил среди бетонных обломков искореженную металлическую вывеску. Сквозь ржавчи-

ну еще проступали слова: «Детский дом „Томоэ“». Ниже сохранился выцветший слоган: «Детское счастье — наш путь к лучшему миру».

В груди что-то болезненно дрогнуло.

— ...И вот осталось их всего пятеро — господин и четверо вассалов. Томоэ⁴ была в числе уцелевших, — тихо произнес он, вспомнив знакомство с Томоэ Сакурой в здании Департамента, чуть больше года назад.

— Здесь уже ничего не осталось. А там, куда я тебя отвезу, о Фуюке... обо всех вас позаботятся.

Девушка помедлила, затем кивнула:

— Хорошо. Вижу, вы не врете.

Рюдзи еще несколько секунд изучал вывеску и бетонные обломки, потом медленно повернулся к Иноуэ:

— Надеюсь, все, что вы рассказали, — правда. Особенно то, что касается Куромацу Кадзуо. Иначе мой следующий визит вам не понравится.

— Мне недолго осталось. Так что советую поторопиться.

Рабочий хмыкнул и забрался в кабину. Мигнули сигнальные огни, мех тяжело вздрогнул и, словно живой, зашагал к руинам. Металл заскрежетал о бетон: тяжелые манипуляторы продолжили разбирать останки ушедшей эпохи.

⁴ Томоэ — отсылка к Томоэ Годзэн (XII–XIII вв.) — женщине-воину конца эпохи Хэйан, участнице войны Гэмпэй (1180–1185 гг.). В цитате использован фрагмент «Повести о доме Тайра» в переводе Ирины Львовой, © ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024.

До начала обхода оставалось несколько минут, и звонок застал Эмуру Кацуо у самой двери кабинета. Задержавшись на пороге, директор достал из кармана халата коммуникатор.

Связью через Поток он почти не пользовался. И дело не в слепом предубеждении — Эмура просто не доверял тому, чего не мог до конца понять. Кибернетических протезов у него не было, а тесты неизменно подтверждали идеальную совместимость с нейроимплантом: никаких головных болей, никакой необходимости принимать ихор. И все же он упорно сторонился этой технологии. Годы наблюдений за пациентами выработали в нем почти патологический страх однажды перестать быть собой.

Клинические испытания ихора оценивали риск побочных эффектов в одну сотую процента — один случай на десять тысяч. За последний год в «Кайдзэн» поступило меньше десятка пробужденных со всего города. Но даже эти цифры не могли поколебать скепсис Эмуры: он не видел смысла испытывать судьбу.

На экране высветилось имя: «Коно Рюдзи, Департамент безопасности Осаки».

Разговор занял меньше минуты. Сегодня Коно должен был привезти нового «проба» — по его словам, необычного. Впрочем, Эмура уже не помнил, когда в «Кайдзэн» в последний раз поступал кто-то обычный.

Убрав коммуникатор, он открыл дверь. В коридоре его уже ждали. Заведующая отделением нейрореабилитации

Канзаки Рэйко как раз распекала молодого ординатора:

— Хиро, бестолочь! Я трижды говорила тебе подготовить карты пациентов, готовых к выписке.

Инуи Хиро, бледный юноша с вечно растерянным взглядом, лихорадочно перебирал файлы на планшете и с каждой секундой путался все сильнее. Чуть поодаль, прислонившись плечом к стене, стояла старшая медсестра Тода Маюми. Заметив директора, она мягко коснулась руки заведующей:

— Доктор Канзаки...

Рэйко резко обернулась и, увидав Эмуру, тут же понизила голос:

— Хиро, быстро ко мне в кабинет. Моя ассистентка перешлет тебе копии...

— Канзаки, не нужно, — спокойно прервал ее Эмура. — Реабилитационным отделением займетесь позже, без меня. Сегодня я хочу осмотреть самых тяжелых пациентов.

Нахмурившись, он оглядел собравшихся:

— Я не вижу доктора Кобаяси.

Сохранить ровный тон стоило ему немалых усилий. Будь его воля, Кобаяси покинула бы центр еще год назад, сразу после инцидента с пропажей ихора. Однако у Департамента, судя по всему, имелись на нее собственные планы: каждая попытка Эмуры добиться ее увольнения заканчивалась вежливым, но предельно холодным звонком сверху.

— Она у пациента, которого привезли позавчера, — ответила Рэйко, сверившись с планшетом. — Должна присоеди-

ниться позже. Но... раз уж мы все равно направляемся в то крыло, встретим ее там.

— Прекрасно. А тот пациент... Напомните, как его зовут?

— Офицер Хосино Рёта.

— Хосино... Ну что ж, идемте.

Эмура первым направился по коридору, остальные молча двинулись за ним.

— «Форма есть пустота, пустота есть форма!»

— Мёдзан, прошу вас, оденьтесь, — донесся из открытой двери дрожащий голос санитаря.

— «В стране Будды вечно звучит божественная музыка!...»

Эмура не планировал сегодня посещать общее крыло, однако гомон и крики из зоны отдыха заставили его замедлить шаг. Впереди мелькнули белые халаты: двое санитаров один за другим скрылись в дверном проеме. Старшая сестра Тода обогнала директора и поспешила следом.

— «Настанут времена тьмы и злобы! Демоны овладеют людскими умами!»

— Кенма, заходи с другой стороны!

В комнате разыгрывалась нелепая и вместе с тем злоедающая пантомима. Посреди опрокинутых стульев метался голый мужчина лет сорока. Прикрывая пах подносом, он с хохотом ускользал от санитаров. Те, уже изрядно запыхавшиеся, пытались оттеснить его к стене, но буйный подопечный

внезапно взлетел на стол и, вскинув руки к потолку, возвестил:

— «Форма есть пустота! Пустота есть форма! Все — сон! Все — ад! Все — Будда!»

Импровизированная трибуна под ним жалобно скрипнула. Одна из ножек подломилась, и мужчина тяжело рухнул на пол. Санитары тут же навалились сверху. Один прижал к линолеуму плечи и голову, второй вогнал иньектор в шею. Через несколько секунд обмякшее тело затихло.

— Что здесь происходит? — строго поинтересовался Эмура.

Один из санитаров неловко выпрямился, насколько позволяла его тучная фигура, и виновато уставился на руководство:

— Господин директор... госпожа Тода... Он вдруг... Я всего на минуту отвернулся...

Эмура оглядел комнату. Рядом со сломанным столом валялся нейроблок, а на стуле у двери лежал бумажный пакет службы доставки, источавший густой запах жареного масла и картофеля фри.

— Кенма, — сухо произнес директор, — вы что покинули пост и оставили здесь ключ-карту?

Опустилась такая тишина, что стало слышно, как санитар натужно сглотнул.

— Всего на минуту, господин директор. Я виноват. Это больше не повторится.

Эмура повернулся к заведующей:

— Доктор Канзаки, мы ведь недавно перевели Мёдзана из блока интенсивной терапии?

— Да. Пациент — Санадзаки Отака, дирижер Осакского симфонического оркестра. Его пробужденная личность — настоятель Мёдзан, предположительно живший в эпоху Сэнгоку.

— Сколько времени займет повторный курс реабилитации?

— Сложно сказать. — Рэйко сверилась с планшетом. — Он только начал воспринимать реальность как мир, населенный людьми, а не как Макай — демоническое царство обманчивых отражений. После сегодняшнего срыва, боюсь, лечение придется начинать заново.

Эмура вновь посмотрел на провинившегося Кенму.

— Ваша минута стоила нам нескольких месяцев работы, — произнес он ровным, ледяным тоном. Затем повернулся к старшей сестре: — Сестра Тода, подготовьте отчет об инциденте.

— Разумеется, — отозвалась та и, даже не взглянув на санитару, отчеканила: — Кенма, у меня в кабинете через час.

Успокоившегося пациента переложили на каталку и закрепили на голове нейроблок. Когда санитары подняли изголовье, из уголка его рта потянулась тонкая нить слюны.

Остальные подопечные отделения молча наблюдали за происходящим.

Лишь мужчина у окна, закончив расставлять на подоконнике бумажную флотилию, едва шевельнул губами:

— Все — сон... все — сон...

Тайны человеческого разума интересовали доктора Кобаяси Мизухо с детства. Возможно, эта тяга была наследственной: ее отец считался одним из ведущих нейрохирургов страны, а мать преподавала в Киотском университете.

Мизухо пошла по их стопам, и долгое время жизнь складывалась именно так, как она задумала. Однако разобраться в анатомии мозга оказалось несравнимо легче, чем понять, какие мысли способен скрывать человек. Это знание пришло к ней слишком поздно.

После университета Мизухо поступила в интернатуру при клинике префектуры. Там она впервые увидела Ичиро: он пришел навестить друга, доставленного в отделение с тяжелой черепно-мозговой травмой. Уже тогда в будущем муже ее насторожили колющий взгляд, холодный, властный голос и абсолютная уверенность в собственном превосходстве.

Она чувствовала исходящую от него угрозу, но не смогла устоять перед его обаянием. Напористость, порой переходившая в наглость, сочеталась в Ичиро с мягкой, старомодной галантностью. Он знал, как заставить женщину поверить, что она особенная.

Потом грянула катастрофа. За один день Мизухо потеряла отца — и вместе с ним смысл жить дальше. В лице Ичиро она

нашла поддержку и утешение. Через год они поженились, а вскоре родился Рёскэ.

Мизухо никогда не расспрашивала мужа о работе, даже когда тот исчезал на несколько дней. Ей хватало спокойно-го, уверенного объяснения: «Это ради нашего блага». Она верила ему, пока случайно не узнала правду.

Оказалось, Ичиро заранее знал о катастрофе. Более того, их благополучие строилось на чужом несчастье: его компания извлекала колоссальную прибыль из «программ помощи» пострадавшим регионам. Беженцев вывозили из зоны бедствия, после чего многие бесследно исчезали.

Мизухохватило обрывков подслушанных разговоров и нескольких документов, небрежно оставленных на столе, чтобы впервые по-настоящему испугаться. Только теперь она боялась не только за себя, но и за пятилетнего сына.

Не раздумывая, Мизухо собрала вещи, взяла Рёскэ и первым поездом уехала к матери в Осаку. Документы на развод она отправила Ичиро по почте.

Она старалась не вспоминать о бывшем муже, но однажды он появился на пороге ее квартиры — спокойный, безупречно одетый, почти не изменившийся, словно с их последней встречи прошло не несколько лет, а всего один день.

Обманчиво мягким голосом Ичиро предложил сделку, больше похожую на ультиматум. Мизухо окажет ему одну услугу, а он не воспользуется решением киотского суда, передавшим ему право единоличной опеки, и позволит Рёскэ

остаться с матерью.

Она попыталась выставить его за дверь. Тогда пальцы Ичиро сомкнулись на ее горле, и Мизухо осознала: тот, кого она когда-то любила, способен отнять у нее все. Ей пришлось подчиниться.

Из-за махинаций со списанием битых ампул ихора, в которые вовлек ее Ичиро, репутация в «Кайдзэне», выстраиваемая Мизухо годами, пошатнулась. Директор Эмура, мелочный и болезненно педантичный, теперь придирался к любому пустяку. Недавно он сделал ей выговор за яркий маникюр, будто цвет лака мог повлиять на состояние пациентов.

Порыв ветра качнул ветку за окном, и звонкий стук заставил женщину вздрогнуть.

«Лучше бы директор занялся настоящими проблемами, — устало подумала она, бросая взгляд во двор. — Подал бы наконец запрос в управу на обрезку деревьев. Да и кривую сакуру на центральной аллее давно пора убрать».

За стеклом раскачивались клены, густо покрытые багряной листвой. В этом неестественном красном цвете было что-то тревожное, но Мизухо тут же одернула себя и вернулась к пациенту.

Мужчина на койке не двигался. К вене на левой руке тянулась прозрачная трубка капельницы; раствор поступал через дозатор с равномерной, усыпляющей медлительностью. Голову охватывал тонкий серебристый обруч нейроблока. Мягкие зеленые импульсы, пробежавшие по его контуру,

подтверждали исправную работу устройства.

«Но был ли в этом хоть какой-то смысл?»

Монитор у изголовья выводил почти прямую линию электроэнцефалограммы (ЭЭГ). Редкие помехи и едва заметные всплески не меняли общей картины: мозг не проявлял признаков осознанной активности. Дыхание поддерживал аппарат искусственной вентиляции легких, с размеренным шорохом наполнявший их воздухом. Даже если бы пациент каким-то чудом открыл глаза, от человека, которым он был прежде, скорее всего, осталась лишь пустая оболочка.

Пациента звали Хосино Рёта. Он служил в штурмовом отряде спецподразделения «Родан». Его доставили позавчера, прямо с виртуальных учений. Во время боевой симуляции тело Хосино свели судороги, изо рта пошла пена. Его едва удалось реанимировать.

Теперь Мизухо предстояло несколько дней наблюдать за ним, а затем подготовить отчет для командования «Родана». Необходимо было установить, что вызвало приступ: неисправность оборудования или скрытая патология, не выявленная при медицинском обследовании.

Она просматривала последние показатели, когда дверь открылась и в палату вошел Эмура.

«Что он здесь делает?»

Обычно директор начинал обход с общих палат, задерживался у пациентов, прошедших полный курс адаптации, а до тех, кого считал безнадежными, попросту не доходил. В ку-

луарах он называл их «растратчиками бюджетных средств».

Но сегодня все было иначе.

— Доктор Кобаяси, — сухо произнес он вместо приветствия и, ограничившись коротким кивком, направился к койке.

Следом в палату втянулась его свита: заведующая, ординатор и старшая сестра. Они выстроились полукругом позади директора, словно опасаясь нарушить его личное пространство.

Эмура извлек из кармана фонарик и, поочередно приподняв веки Хосино, проверил реакцию зрачков. Затем вывел на монитор у изголовья кровати электронную карту пациента и бегло просмотрел показатели за последние сутки.

— Все предельно ясно. Ни одно из выявленных заболеваний не вызывает столь глубокого угнетения нейронной активности. Причиной могло быть лишь внешнее воздействие.

Мизухо вдруг поняла, с чем связано его неожиданное появление. Похоже, руководство «Родана» связалось с директором и недвусмысленно дало понять, что в интересах Эмуры и его центра возложить вину за происшествие на компанию-разработчика виртуального тренажера.

— Отрадите это в отчете, доктор Кобаяси, — добавил он. — Предварительные выводы жду к вечеру.

— Господин Эмура, но установленный протоколом срок наблюдения еще не истек. Мы не исключили ни медикаментозного угнетения активности, ни ошибки диагностического

оборудования.

В ответ директор повернулся к заведующей и обвел рукой палату, указав на стойку нейромониторинга, инфузионные системы и аппарат искусственной вентиляции.

— Доктор Канзаки, напомните, во сколько центру обходится содержание такого койко-места?

— Около трехсот тысяч иен в сутки.

— Вот видите, Кобаяси. Триста тысяч ежедневно за тело, у которого нет будущего. Вы действительно предлагаете и дальше выбрасывать деньги на ветер? Или готовы покрыть расходы из собственного кармана?

Мизухо почувствовала, как кровь прилила к лицу, но промолчала. Только крепче сжала планшет, сдерживая гнев.

— Полагаю, здесь мы закончили, — объявил Эмура и направился к двери.

Он успел сделать лишь несколько шагов, когда ординатор Инуи сдавленно охнул:

— Директор... Доктор Канзаки, посмотрите!

Юноша указывал на экран нейромонитора. До сих пор темная панель внезапно ожила: по ней побежали строки символов, складываясь в стремительно меняющиеся массивы данных. Система будто пыталась восстановить разрушенную структуру, снова и снова переписывая собственный код.

— Нейроимплант активировался, — произнесла Мизухо. — Но нейроблок включен. Доступа к Поток у быть не должно.

— Эти данные не из сети, — тихо сказал Инуи. Он склонился над соседним терминалом и торопливо вывел журнал подключений. — Входящего сигнала нет — последовательности генерирует его «сид».

Эмура поспешно вернулся к койке и взгляделся в экран, стараясь скрыть растерянность.

— Кобаяси, вы такое уже видели?

— Никогда. Имплант будто напрямую взаимодействует с мозгом. Но без осознанной нейронной активности это невозможно.

— Надо связаться с «Oni Corp», — предложила Канзаки. — Пусть пришлют специалиста.

— Не будем торопиться, — нахмурился Эмура. — Сначала я должен уведомить...

Он не договорил. Тело Хосино резко выгнулось, затылок вдавился в подушку, а пальцы крепко сжали простыню. По мышцам прокатилась короткая волна судорог, после чего пациент обмяк. Линия ЭЭГ выпрямилась; следом кардиомонитор разразился непрерывным тревожным писком.

— Инуи, реанимационный набор, быстро! — скомандовала Мизухо.

Но прежде чем она успела нащупать пульс, из груди пациента вырвался хриплый, судорожный вдох. Писк монитора оборвался, сменившись частыми, неровными сигналами.

Хосино Рёта медленно открыл глаза.

Глава 2

Япония, провинция Синано, Симосува, 1615 год

Порыв воздуха отбросил розовые лепестки — легкие, как пух. Кувыркаясь в утренних весенних лучах, они опустились на гладь ручья, пересекавшего двор замка Такасима. Вода подхватила их и унесла за каменный порог, словно избавляясь от всего, что мешало поединку.

Кацухиро отступил. В следующую секунду на него обрушилась серия ударов. Первые два он отбил, от третьего уклонился и уже занес меч для решающего выпада, когда за стеной замка раздался глухой грохот — залп из десятка мушкетов-тэппо. Юноша невольно вздрогнул. Этого мгновения хватило: противник шагнул ближе, и боккэн застыл у самой его шеи.

— Еще раз! — прорезал воздух сухой, недовольный голос.

Под сенью цветущих сакур на камне сидел Тода Иппо. Всем своим видом он напоминал старую ящерицу, вылезшую погреться на солнце. Тонкая травинка, зажатая в зубах, лениво трепетала на ветру. Мастер выглядел скучающим, но его холодные, внимательные глаза следили за каждым движением подопечных.

Слева, самодовольно ухмыляясь, стоял Тадаёри — старший сын Сувы Ёримидзу, правителя этих земель. С детства он не расставался с мечом и год за годом совершенствовал

искусство фехтования. Его взгляд светился торжеством: наконец-то противник повержен.

Напротив тяжело дышал Кацухиро, когда-то принятый на службу кланом Сува. Всего год назад он впервые взял в руки деревянный клинок, а теперь уже двигался с ловкостью и точностью, несвойственными ни его возрасту, ни происхождению. Сын простого владельца постоянного двора, он бился с упрямством человека, бросившего вызов судьбе. В каждом его шаге чувствовалась растущая уверенность: однажды он сравнится со своим господином, а то и превзойдет его в мастерстве.

Сегодня он был к этому ближе, чем когда-либо, выиграв две схватки из трех. Мог бы победить и в третий раз, но помешали учения пехоты.

— Что застыли, как соломенные чучела? — рявкнул мастер Иппо. — Я сказал: еще раз. Тадаёри, повтори. А ты, Кацухиро, — олух. Думаешь, на поле боя будет тишина и враги станут терпеливо ждать, пока ты соберешься с духом? Если так, можешь сразу покончить с собой, чтобы не тратить мое время.

Тадаёри прищурился.

— Кацухиро, как это? — спросил он. — Как ты смог предугадать мой удар? Я ведь никогда раньше не пользовался этим приемом. Мастер научил меня ему совсем недавно.

Он перевел взгляд на наставника, лениво отмахивавшегося от пчелы, едва пробудившейся после зимней спячки.

— Мастер, вы ведь не показывали Кацухиро эту технику?

— Как молодой господин мог подумать, что основатель школы Иппо-рю станет передавать свои знания соломенной кукле?

— Но как тогда? Я не понимаю... — В голосе Тадаёри звучала растерянность, словно лишь теперь он осознал, что одного заученного приема для победы недостаточно.

— Господин, прошу простить, — вмешался Кацухиро. — Но когда вы заносите клинок... — Он повторил знакомое движение. — Положение вашей стопы всегда выдает направление удара.

Старик рассмеялся.

— Тадаёри, если бить пучок соломы достаточно долго, однажды он ответит. Знать прием — не то же, что владеть им. Учись чувствовать движение, а не повторять его. Учись обманывать. И хватит болтать! Занятие не окончено!

Юноши поклонились и вновь приняли боевые стойки, но прежде чем клинки сошлись, послышался стук деревянных башмаков. Со стороны главной башни замка, спотыкаясь и задыхаясь, бежал младший брат Тадаёри.

— Брат, брат! — выговорил он и, согнувшись, уперся руками в колени. — Отец зовет! Важные вести из Эдо!

Тадаёри разочарованно опустил боккэн, поклонился мастеру и молча последовал за братом.

Кацухиро, решив, что тренировка окончена, уже собирался вернуться к повседневным обязанностям, когда Иппо,

крякнув, прыгнул с камня.

— Ну-ка, что ты там говорил про положение стопы? — произнес он тихо. Голос звучал мягко, но в нем слышалась угроза. Сейчас Иппо напоминал старого волка, которому бросил вызов молодой щенок.

Иппо решил основательно проучить юношу. Сухой, жилистый старик двигался с проворством речного гольца — гибкого, скользкого, неуловимого. Его удары оставались непредсказуемыми, и деревянный клинок всякий раз находил брешь в защите Кацухиро. Все, что помогало против Тадаёри, против мастера оказалось бесполезным.

Теперь, натирая пол на веранде и морщась от боли в отбитых боках, Кацухиро думал, что не стоило лезть с объяснениями. Указывать господину на промахи — дело наставника, а не слуги.

От размышлений юношу отвлек Хироюки, подошедший с подчеркнуто важным видом. За поясом у него красовались два настоящих меча, а за спиной виднелся боевой лук. Накануне зимней Осацкой кампании Хироюки перевели в услужение к Ёрисато, младшему брату Тадаёри. Успев познать вкус пороха и звон стали, он теперь не упускал случая показать превосходство перед теми, с кем когда-то делил кров.

— Кацухиро, где остальные?

— Косиро и Синносукэ в конюшне. Сабуро, кажется, ушел на рынок.

— Собери всех. Нам велено явиться в главный зал.

— Что случилось? Это из-за вестей, с которыми утром прибежал младший господин?

Хироюки оглянулся и понизил голос:

— Война. Из Эдо прибыл гонец. Говорят, выступаем к Осаке.

— Но ведь зимой заключили мир...

— Больше ничего не знаю. Господин сам все объяснит.

Главный зал был полон вассалов дома Сува — от опытных самураев, закаленных многими походами, до юношей, которым только предстояло испытать себя в бою. Люди сидели ровными рядами и шумно обсуждали последние слухи.

Хироюки устроился неподалеку от входа. Заметив Кацухиро и остальных, он указал им на места у стены, за своей спиной.

— Ну что, Синносукэ, все еще возишься в конюшне? — спросил он, когда младший из слуг сел рядом. — А мне господин уже пожаловал коня. Как-нибудь покажу. Только обращайся с ним понежнее: так, будто обнимаешь свою девушку.

— Поосторожнее с такими пожеланиями, братец Хиро, — заметил Косиро, старший и самый рассудительный среди них. — Сегодня наш юный конюх так снарядил лошадь для гонца из Эдо, что тот едва шею себе не свернул, пытаясь сесть в седло.

Кацухиро было неинтересно слушать перепалку товарищей. Гораздо сильнее его занимало другое: почему слуг вообще допустили на общее собрание?

«Неужели нас тоже возьмут в поход?»

Он посмотрел в дальний конец зала. На возвышении сидел глава дома Сува — Ёримидзу. Чуть ниже расположились его сыновья, Тадаёри и Ёрисато.

Ёримидзу поднял руку, и разговоры мгновенно стихли.

— Сегодня утром из Эдо прибыл гонец от сёгуна Токугавы Хидэтады.

Он развернул свиток.

— «Поскольку Тоётоми Хидэёри и верные ему кланы нарушили соглашение, заключенное в первом месяце нынешнего года, всем вассалам дома Токугава надлежит выставить войско, соразмерное доходу владений, и немедленно выступить к Осаке».

В зале вновь зашумели. Кто-то хлопнул ладонью по колену, кто-то рассмеялся, радуясь новому походу.

— Еще зимой следовало покончить с осакским молокосом!

— Что именно он нарушил?

— Рвы снова роят! Собирает ронинов, восстанавливает стены!

— Тишина! — повысил голос Ёримидзу. — Я с частью гарнизона отправлюсь оборонять Кофу.

Он произнес это с явным неудовольствием.

— В Осаку же войска поведут мои сыновья — Тадаёри и Ёрисато.

Ёримидзу поднялся, поклонился собравшимся и вышел из зала. Следом потянулись его ближайшие вассалы.

Хироюки придвинулся к Кацухиро:

— Слышал? Говорят, Ёримидзу-доно дважды просил сёгуна позволить ему возглавить поход. А его оставили сторожить Кофу. Вот он и злится.

Место отца занял Тадаёри. На нем красовались парадные доспехи; черный нагрудник мерцал в свете ламп, руки покоились на рукоятках мечей. Молодой господин держался с торжественной гордостью человека, которому доверили честь всего рода.

Он обратился к собравшимся. Говорил обстоятельно, не торопясь: перечислил проступки Тоётоми так, что у слушателей не осталось сомнений — поход направлен на подавление мятежа. Закончил Тадаёри обещанием щедро наградить каждого, кто проявит доблесть и послужит славе рода Сува.

По залу прокатился одобрителный ропот. Один из старших самураев вскочил на ноги и, потрясая сжатым кулаком, принялся выкрикивать боевые клятвы. Вскоре к нему присоединились другие, и отдельные голоса слились в единый рев.

По рядам пошли кувшины с подогретым сакэ. Люди пили, хлопали друг друга по плечам, хвастались будущими подвигами и заранее делили еще не завоеванные почести. Са-

мурай, первым поднявший клич, склонился перед Тадаёри и поднес ему чашу.

Хироюки тоже разлил сакэ товарищам.

— За наших господ и славу рода Сува! — произнес он. — Чувствую, в этот раз удача меня не оставит. Привезу столько вражеских голов, что господин посвятит меня в самураи и пожалует собственный дом.

Постепенно кувшины опустели. Одни самураи отправились продолжать пир в казармах — до отправления оставалось еще два дня; другие направились в арсенал готовить оружие и снаряжение.

Кацухиро уже собирался уходить, когда почувствовал на себе взгляд Тадаёри. Молодой господин жестом подозвал его и остальных младших слуг.

— Синносукэ, Сабуро, возвращайтесь к своим обязанностям. Вы останетесь в Такасимае, — объявил он.

Мальчики поклонились и поспешили прочь. Они явно обрадовались этому решению: из-за малого возраста все, что касалось войны, пугало их до дрожи.

— Косиро, ты отправишься с моим отцом в Кофу.

Последнее распоряжение получил Кацухиро:

— Ты будешь сопровождать меня в Осаку. Подбери оружие, доспехи и коня. Пора тебе познать тяжесть настоящего боя.

Руки Кацухиро едва заметно дрогнули. Он опустился на колени, прижал ладони к циновке и коснулся лбом пола.

— Господин... мы выдвигаемся послезавтра?

— Верно. Времени на сборы хватит. Или ты хотел попросить о чем-то еще?

— Да. Я бы хотел навестить родных в городе.

Тадаёри ненадолго задумался.

— Хорошо. Завтра ты свободен.

— Благодарю, господин.

Кацухиро поднялся, коротко поклонился и поспешил в арсенал, где ему предстояло выбрать доспехи и свои первые боевые клинки.

В главной комнате постоялого двора, у самого окна, Токико перебирала рис. Солнечный свет касался ее рук, а зерна тихо шуршали под пальцами, как дождь по соломенной крыше. Она то и дело вздыхала, стараясь не расплакаться, и бережно гладила округлившийся живот.

— Ой, дорогая, ну перестань! — Момосукэ, тяжело кряхтя, устроился у очага и поставил перед Кацухиро полную миску наваристой похлебки. — Радоваться надо, а не слезы лить. Такая честь для семьи! Скоро в нашем роду свой самурай появится!

Он подмигнул юноше и, понизив голос, добавил:

— В последнее время прямо не знаю, как твоей матери угодить. Как понесла — утром проклиняет меня на чем свет стоит, днем вдруг ласковая, как лисица, а к вечеру плачет и опустошает запасы солений.

— О чем это вы там шепчетесь?

Токико отставила плоску с рисом и попыталась поднять-ся, но тут же ойкнула, схватившись за поясницу. Момосукэ, неожиданно проворный для своих лет, вмиг оказался рядом. Подхватив жену под локоть, он помог ей встать, довел до очага и бережно усадил на подушку.

Он и прежде тепло относился к Токико, но теперь, казалось, готов был сдувать с нее пылинки. В городе Кацухиро не раз слышал о какой-то давней трагедии в прошлом приемного отца, однако подробностей никто не знал или просто не хотел рассказывать юноше.

Над очагом вскипел чайник. Токико сняла крышку, бросила внутрь щепоть чайных листьев, и по комнате разошелся терпкий, горьковатый запах.

— Знаю я этих самураев, — тихо сказала она, наполняя чашки. — Зимой, когда юный господин вернулся из Осаки, плач стоял едва ли не в каждом десятом дворе.

— Зато сыну Ясукити за службу дали два поля в деревне Хара, у подножия Татэсины, — возразил Момосукэ.

— Никакая награда не вернет матери ребенка, — отрезала Токико.

Кацухиро посмотрел на нее и вдруг понял, что уже и не помнит, когда впервые назвал ее мамой.

— Это был мой выбор, — произнес он наконец. — Я благодарен отцу за то, что попросил за меня в замке. Всю жизнь подавать полотенца и сакэ — не для меня.

— С сакэ и полотенцами у тебя хотя бы голова на плечах останется.

— Останется... До тех пор, пока очередной даймё⁵ не возомнит себя равным сёгуну и не двинется войной на Эдо. Глупо думать, что в горах Синано удастся укрыться, если страну вновь охватит пламя войны.

В это время сдвинулась перегородка, ведущая в купальню, и в проеме показалось раскрасневшееся лицо одного из постояльцев.

— Эй, хозяин! Тащи еще сакэ и закусок!

До Кацухиро донеслись женский смех, плеск воды и пьяные голоса. Самураи праздновали начало новой военной кампании — широко, шумно, ни в чем себе не отказывая.

Момосукэ тяжело вздохнул и поспешил к гостям. Проводив его взглядом, Токико хитро прищурилась.

— Ладно, не будем больше о войне. Ты с Ито уже виделся? Сходи, проведай ее. Такая красавица стала — глаз не отвести. К ней уже вовсю свататься ходят. Только Тадзо всем отказывает: «Не для деревенских болванов, — говорит, — дочь растил».

Кацухиро смутился. Ито он не видел с тех пор, как его мать вышла замуж и они перебрались на постоянный двор.

Поблагодарив за ужин, он убрал мечи за пояс и отправился проведать семью названного дяди.

⁵ Даймё — феодальный князь в старой Японии, правитель собственного владения, располагавший землей, доходами, вассалами и вооруженными людьми.

Влюбляться, а тем более жениться никогда не входило в планы Кацухиро. Даже теперь, направляясь к дому Тадзо, он думал не о дочери торговца, а о почтении, которое хотел выразить людям, приютившим их с матерью в тяжелое время.

О тех днях Кацухиро помнил немного. Только то, как им пришлось спешно покинуть Осаку. Он не знал, почему и от кого они бежали, — остались лишь смутные воспоминания о страхе, горечи и пламени, пожиравшем остатки их дома. Где-то в том огне было похоронено и что-то очень дорогое его сердцу.

Будучи ребенком, он не расспрашивал мать о прошлом, а она не спешила рассказывать. Попав в семью торговца, мальчик впервые за долгое время ощутил покой: запах вареного риса по утрам, ровное дыхание матери во сне. Потом, когда судьба привела его на службу в замок, старые воспоминания рассыпались — словно зола, унесенная ветром.

«Загляну ненадолго, справлюсь о здоровье да выпью чаю, если предложат», — думал юноша, шагая по проселочной дороге. Тяжесть мечей за поясом придавала ему уверенности.

Справа мерцала гладь озера Сува, еще месяц назад скованного льдом. Воздух был свеж, напоен запахом талой воды и первых весенних трав.

Мальчишки, ловившие рыбу голыми руками в ближайшем ручье, едва завидев его, бросили свое занятие и начали

неловко кланяться. Один даже рухнул ниц, коснувшись лбом земли. Им, должно быть, казалось, что перед ними знатный господин: клановый герб в виде листьев кадзи⁶ на хаори⁷ и два меча за поясом выглядели внушительно.

Кацухиро лишь слегка улыбнулся — не насмешливо, а с тихой грустью. Он вспомнил, как сам когда-то, еще мальчишкой, так же рыбачил вместе с деревенской ребятней.

Хозяйство Тадзо выделялось среди прочих в городе. После битвы при Сэкигахаре, когда клан Токугава утвердил свою власть, страна постепенно обретала порядок. На главных дорогах — Накасэндо и Токайдо — появились вооруженные заставы. Шайки безродных ронинов, прежде державшие округу в страхе, власти ловили и казнили; головы разбойников выставляли вдоль трактов — в назидание тем, кто еще не усвоил, что закон в стране теперь един для всех.

Тадзо и прежде не знал нужды, а теперь, когда торговля пошла бойче, а дороги стали безопаснее, расширил участок и достроил дом. Имение было строгим, добротным, не уступавшим усадьбам иных самураев.

Кацухиро прошел вдоль высокой глухой ограды. Одна из створок ворот была приоткрыта, и он заглянул во двор.

— Добрый день! Простите, есть кто дома? — постучал он по дереву.

⁶ Листья кадзи — листья бумажной шелковицы, растения из семейства тутовых.

⁷ Хаори — короткая японская верхняя куртка, которую носят поверх кимоно.

В ответ донеслось сердитое кудахтанье, и из-за угла, подпрыгивая и петляя между стволами слив, вылетела курица.

— Таскэ, лови ее! Опять упустил! — раздался девичий смех. — Где она? Ты видел?

Следом во двор выбежал слуга — мужичок неказистого вида. Заметив птицу, он бросился на нее с корзиной в руках и, решив, что поймал, с довольным видом уселся сверху.

Через мгновение из-за дома показалась раскрасневшаяся девушка. Увидев, что Таскэ сидит на корзине, а курица важно вышагивает у него за спиной, она всплеснула руками:

— Таскэ! Что ты уселся? Обернись! Сзади!

Слуга вздрогнул, обернулся и, опрокинув корзину, завалялся на спину. Испуганная птица заметалась, хлопая крыльями и возмущенно кудахча, а потом, заметив просвет в воротах, ринулась прямо на Кацухиро.

— Лови! — закричала девушка, бросившись следом. — Сбежит!

Когда курица юркнула ему под ноги, Кацухиро ловко наклонился, схватил ее за лапы и прижал к груди. В тот же миг в него врезалась девушка. Он отшатнулся, но устоял.

— Ты кто?... — от неожиданности она шагнула назад.

На миг все стихло. Куриные перья медленно оседали на землю; где-то вдали мерно постукивал бамбуковый маятник.

Кацухиро поднял взгляд — и замер. Перед ним, с раскрасневшимися щеками и выбившимися прядями, в кимоно из шелковой ткани стояла та, в ком лишь с трудом угадывалась

смешливая Ито, с которой он когда-то лазал по деревьям и возился в пыли. Детские черты исчезли, и в лице проступила тонкая, женственная красота.

— Ито?.. — тихо произнес он.

Юноша аккуратно передал ей курицу, а она тут же перепоручила птицу Таскэ.

— Верни к остальным. И больше сарай открытым не оставляй! — строго велела она, затем снова, уже внимательнее, взглянула на гостя. — Господин, вы к отцу? Его нет — он утром отбыл с товарами в Хамамацу.

— Ито, это я. Кацухиро. Не узнаешь?

Девушка моргнула, нахмурилась — и вдруг расплылась в улыбке.

— Братец Кацу! — вскрикнула она и, схватив его за руку, потащила к дому. — Мама! Мама, смотри, кто к нам пришел!

— Ито, с кем ты там разговариваешь? — На веранду вышла женщина средних лет. Не знай Кацухиро, что это мать Ито, он бы принял ее за старшую сестру.

— Госпожа Осуми, доброго здоровья, — поклонился юноша, стараясь высвободиться из цепкой хватки девушки, чтобы мать не подумала чего лишнего.

Женщина не сразу поняла, кто перед ней. Потом в глазах мелькнуло узнавание.

— И кого же это к нам принесло с лепестками отцветающих сакур? — Осуми лукаво прищурилась и закрыла

небольшую книгу: видно, переполох во дворе отвлек ее от чтения.

— Простите, госпожа, что так долго не подавал вестей, — смущенно произнес Кацухиро.

— Ох, если бы не Токико, в этом доме про тебя уже и забыли бы, — с легкой укоризной сказала женщина. — Хоть бы письмо изредка присылал, весточку какую...

Затем ее голос потеплел:

— Но что мы стоим на пороге? Ито, будь радушной хозяйкой, пригласи гостя.

Кацухиро снял сандалии и последовал в дом. Опустился у очага, снял мечи и положил рядом.

Осуми села напротив, а Ито, извинившись, поспешила отдать распоряжения. Почти сразу появились служанки: принесли подушки, подали свежий чай и сладости. По знаку хозяйки принесли кувшин с сакэ, разлили напиток по чашечкам и, бесшумно поклонившись, скрылись за ширмой.

Через несколько мгновений вернулась Ито. Девушка успела поправить прическу и слегка подкрасить губы. Когда она приблизилась, чтобы взять с подноса сахарную конфету в виде звездочки, юноша уловил легкий аромат ее духов.

Они выпили. Кацухиро тоже угостился конфетой — таких изысканных сладостей он не видел даже в замке своего господина.

— Отец привез в прошлом году, — пояснила Ито. — Ими торгуют заморские купцы. Господину Ёримидзу они так по-

направились, что он велел закупить побольше и разузнать секрет приготовления.

Осуми мягко коснулась руки дочери, давая понять, что та болтает лишнее.

— Кацухиро, как твоя служба? — спросила она после короткой паузы. — Судя по твоему виду и мечам, дела идут неплохо?

— Да, господин Тадаёри наконец оценил мое умение обращаться с клинком.

— Может, пора уже подумать и о женитьбе? — Осуми будто невзначай поправила рукав кимоно дочери.

— Мама, ну что ты такое говоришь, — смутилась девушка. — Кацухиро мне как брат.

— Госпожа Осуми, боюсь, мне пока рано об этом думать, — тихо сказал юноша. — Мужчина прежде должен проявить отвагу и заслужить имя.

— Ох уж эти ваши напыщенные речи о долге и чести, — вздохнула женщина, махнув рукой.

— Но ведь именно на них держится страна, — горячо возразил Кацухиро. — Без долга и чести кем бы мы были? Лишь кучкой варваров, грызущихся за клочки земли!

— Будто сейчас все иначе, — усмехнулась женщина. — Постоянно какие-то войны и междоусобицы. Хорошо хоть у нас пока тихо. Правда, говорят, Токугава снова собирает войско на Осаку?

— Наше спокойствие — заслуга сёгуна. — Кацухиро сжал

кулак. — А в Осаку мы идем, чтобы покарать тех, кто хочет вернуть смуту на наши земли.

— Мы? Значит, и ты идешь с войском?

— Да, госпожа. Буду сопровождать юного господина. Это великая честь для моей семьи.

Во взгляде Ито промелькнула тревога, а Осуми пригубила еще сакэ.

— Надеюсь, боги будут благосклонны к тебе.

— Госпожа Осуми, Ито... Не беспокойтесь. Как только война закончится, я сразу вас навещу. Надеюсь, и господин Тадзо к тому времени вернется. — И, сам того не ожидая, добавил: — Если после похода стану настоящим самураем... тогда и поговорим о женитьбе.

Он взглянул на Ито, и та густо покраснела.

Они еще выпили, поговорили о жизни. После его опрометчивого обещания Ито стала особенно внимательна: подавала чашу, поправляла подушку, словно ухаживая за будущим супругом. Осуми не возражала, но в ее глазах застыла печаль. Она понимала: стоит юноше получить жалованье и место среди вассалов господина Тадаёри, между их домами проляжет непреодолимая пропасть.

Япония, провинция Мино, Гифу, 1615 год

Окруженный верными военачальниками, Тадаёри наблюдал с пригорка, как мимо ровной шеренгой проходит его небольшое войско — пятьсот с лишним воинов. Владение

Сува было невелико: не сравнить ни с богатым Сэндаем, ни с родовой твердыней Санады в Уэде.

«Но разве честь самурая меряют числом копий и коку риса?»

Когда сёгун призвал его клан под свои знамена, в душе Тадаёри сошлись две силы. Гордость за то, что дом Сува тоже участвует в великом походе, и тревога — назойливая, как муха, что вьется у лица и не дает покоя.

«А что, если он не справится?»

Пальцы слегка занемели; напряжение передалось лошади. Та фыркнула, мотнула головой и повела в сторону. Тадаёри натянул поводья, успокаивая ее, и встретился взглядом с Кацухиро, стоявшим чуть позади, рядом с его младшим братом Ёрисато.

Он вспомнил, как впервые увидел Кацухиро в замке. Тогда парень был лишь одним из многих слуг, обязанных следить за порядком во дворе. Без рода и имени, он получал самую тяжелую, грязную работу. И все же, несмотря на усталость, находил время для тренировок.

Его оружием служила бамбуковая палка, найденная где-то в хлеву. За этими тайными упражнениями его однажды и застал мастер Тода. А наутро неожиданно выставил деревенского паренька против молодого господина.

Тадаёри тогда растерялся: как сражаться с тем, кто едва держит боккэн? Но Тода был непреклонен:

— Бей.

Тадаёри нанес легкий, нарочито сдержанный удар, желая лишь показать неравенство поединка. И все же Кацухиро отбил его — точно, уверенно. А в следующую секунду самому Тадаёри пришлось защищаться от града стремительных атак. Казалось, будто руки безродного служки помнили то, чему его никто никогда не учил.

И сейчас Тадаёри почудилось, что в глазах оруженосца промелькнула некая отстраненность — зрелая, спокойная, как у воинов, прошедших не один десяток сражений.

Сам же Кацухиро в этот миг был далек от мыслей о войне. Он думал об Ито. Быть может, впервые в жизни у него появилась цель: добыть славу на поле боя, обрести имя и, вернувшись домой, осмелиться просить ее руки.

Тадаёри подвел коня ближе и жестом показал, что хочет пить. Кацухиро вынул флягу из дорожной сумки и, низко склонив голову, подал господину. Несколько глотков прохладной воды привели мысли в порядок. Передав флягу брату, Тадаёри кивнул в сторону горизонта. Там, за рисовыми полями, в прозрачном воздухе тянулись вверх тонкие струйки дыма из печных труб.

— Это Гифу, — сказал он, придерживая поводья. — Говорят, там собрались лучшие кузнецы со всей страны. Хочу узнать, правдивы ли слухи... и, может быть, выбрать клинок, достойный грядущей битвы.

— Вряд ли ты хоть раз его обнажишь, — усмехнулся Ёрисато, возвращая флягу. — Снова просидим в тылу и будем

смотреть, как пушки Токугавы ровняют стены замка с землей.

Тадаёри тяжело вздохнул. В нем не было спокойного цинизма брата, ставшего свидетелем недавней осады Осаки. В ту зимнюю кампанию Ёрисато сражался под знаменами их зятя Токи Садаёси и с тех пор всеми силами старался походить на умудренного жизнью воина.

— Господин, а как же клинок, дарованный вам сёгуном? — неожиданно спросил Кацухиро. — Тот, что хранится в вашем доме. Я удивлен, что вы его не взяли.

Ёрисато недоуменно взглянул на слугу, а затем рассмеялся:

— Старший брат, похоже, вы своему оруженосцу на тренировках все мозги отбили.

Мимо прошли последние ряды воинов.

— Поторопимся, а то скоро стемнеет и лавки закроются, — добавил Ёрисато. — Заразил ты меня этой идеей про новый клинок, брат.

Он гикнул, пришпорил коня и, спустившись с холма, пристроился рядом с колонной. Тадаёри на мгновение задержался.

— Кацухиро, — сурово произнес он. — Тот меч не для сражений. Это священный дар, знак доверия и милости сёгуна. Испачкать его кровью врага — все равно что осквернить. Не позорь меня больше такими вопросами, иначе я пожалею, что сделал тебя оруженосцем.

Слова прозвучали строго, но в голосе господина Кацухиро уловил не столько гнев, сколько скрытую тревогу.

— Да, господин. — Юноша склонил голову. — Прошу простить мое невежество.

Тадаёри молча принял извинения, и они тронулись нагонять остальных.

В одной из кузниц Гифу мастер Ганкуро и торговец Ёсида спорили, пытаясь перекрычать звон молотов.

— Ганкуро-доно, да вы упрямец, каких поискать, — усмехнулся Ёсида, стирая пот со лба. — За клинки тебе нынче таких денег никто не даст. А я предлагаю сто тысяч мон — за десяток тэппо!

— Ты знаешь, Ёсида, почему мечи с моим клеймом ценят даже в Эдо? — Кузнец оторвался от наковальни.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что за клинок я отвечаю головой. А за ствол, который может взорваться в руках, — не стану.

— Выходит, сам признаешь: твоя артель не способна сделать то, что другие давно поставили на поток?

— Признаю одно, — Ганкуро прищурился. — Я не дурак, чтобы повторять чужие ошибки.

— Ошибки?

— Год назад один феодал из рода Асано зарубил мастера Мунэёси. Слышал?

— Нет.

— Учил сына стрелять. Зарядил ружье неправильно — порох вспыхнул, мальчишка ослеп. А обвинил во всем кузнеца. В ярости ворвался к Мунэёси и раскроил ему череп. До сёгуна, конечно, донесли, да кто станет карать самурая за смерть простого оружейника? Пожурили — и отпустили. А Мунэёси больше нет.

Ёсида нахмурился и похлопал по поясу, под которым лежал тяжелый кошель.

— Значит, это твое последнее слово?

— Последнее. Сам сказал: все делают. Вот и найди того, кто возьмется за твой заказ.

— Искал, — тяжело вздохнул торговец. — Никто не берет: одному срок мал, у другого людей не хватает. А у тебя десять подмастерьев, работа идет без остановки.

— У меня нет ни станков, ни желания браться за дело, в котором я не уверен. Клинки — забирай хоть сейчас.

Ганкуро вернулся к наковальне, давая понять, что разговор окончен.

За воротами Ёсида едва не столкнулся с тремя молодыми самураями. На двоих были дорогие черные доспехи; лица их казались схожими — видно, братья, сыновья какого-нибудь даймё из провинции, приехавшие на войну. Третий держался чуть позади и был одет проще — оруженосец или слуга.

Торговец почтительно поклонился и, недовольно бурча что-то себе под нос, поспешил прочь.

— Здесь? — Один из юношей пригляделся к иероглифам

на табличке над воротами. — Да, точно. Тот ушлый торгош сказал: артель «Черная сталь», спросить мастера Ганкуро.

— Ну чего встали? Заходим, — устало произнес второй, постарше.

До этого Тадаёри уже успел пожалеть о своем желании купить новый меч. За два часа хождений по лавкам он так ничего и не присмотрел: перебрал десятки клинков, но ни один не пришелся по душе.

— Железо для пехоты. Самураю такое стыдно на пояс вешать, — хмыкнул в одной из лавок его брат, Ёрисато.

Торговец, заметив их сомнения, тогда поспешил услужить: вынес вычурный меч в красных лакированных ножнах, с цубой, украшенной извивающимся драконом. Клинок и вправду был хорош, но стоил как породистый конь. Увидев, что господа снова недовольны — теперь уже ценой, — лавочник и посоветовал им заглянуть в кузницу неподалеку:

— Ей владеет мастер Ганкуро. Клинки у него отменные, а цена не разорит даже младшего самурая.

Так они и оказались у этих ворот.

— Мастер! Покажись, дело есть! — громко окликнул Тадаёри, пройдя во двор.

Из-под навеса послышалось ворчание, и на свет вышел старик — худой, жилистый, с выгоревшими бровями и седыми волосами, собранными в пучок. Лицо его, казалось, навсегда пропиталось копотью.

— Кого еще принесло? Заказы больше не принимаю, —

проворчал он, щурясь. Но, увидав доспехи, осекся, быстро вытер ладони о передник и почтительно поклонился. — Прощу прощения, не признал благородных господ. Чем могу служить?

— Нам нужна пара клинков, — ответил Ёрисато. — Скажи, лучшего мастера во всей провинции не сыскать.

— Вот как... — Ганкуро обернулся. — Хэй, Тосиро! Принеси господам мечи последней работы. И солому для пробы не забудь.

Подмастерье, точивший наконечники копий, отложил инструмент и бросился в дом. Вернувшись, он разложил перед гостями четыре клинка, а после закрепил на стойке туго свернутый соломенный мат.

Тадаёри и Ёрисато выбрали по мечу и вытащили их из ножен. Сталь играла мягким светом, на лезвиях угадывались тонкие волны хамона. Кацухиро, до того разглядывавший оружие во дворе, подошел ближе.

Ганкуро увидел его, всмотрелся и вдруг отступил на шаг.

— Позвольте задать вопрос вашему слуге? — хрипло спросил он у Тадаёри.

— Спрашивай.

— Скажи, юноша, какого цвета ножны у этого клинка? — Старик указал на меч, лежавший на столе.

Кацухиро удивился, но ответил без промедления:

— Чайного, господин.

Ганкуро облегченно выдохнул и тихо пробормотал:

— Вот и ладно... А то уж решил, призрака вижу.

— Призрака? — переспросил Ёрисато и ухмыльнулся. — Слышал, Кацухиро? Страшный ты парень, раз мастера аж перекосило.

— Простите, господа. — Махнул рукой кузнец Ганкуро. — Старые глаза видят лишнее. Ну так как, нравится вам сталь?

Ёрисато тут же вскинул меч и одним движением рассек соломенный мат. Верхняя половина соскользнула и упала на землю.

— Сталь хороша, — одобрительно кивнул он. — Легкая, послушная.

Тадаёри тоже проверил клинок и с уважением посмотрел на мастера.

Расплатившись, братья вместе с Кацухиро направились к воротам. Ганкуро проводил их взглядом и долго еще стоял неподвижно. Затем покачал головой, будто отгоняя наваждение, и вернулся к работе. Ему предстояло выковать еще несколько десятков мечей — весной господам снова понадобится много оружия.

Глава 3

Стены замка дрогнули от нескольких прямых попаданий. Камень осыпался сухой крошкой, по двору прокатился глухой рокот — словно сама крепость застонала от боли. Почти сразу грянул ответный залп. В воздухе запахло гарью и серой; пороховой дым пополз над крышами, цепляясь за карнизы и растворяясь в горячем мареве.

Стоявший на стене молодой самурай в сверкающих доспехах резко указал одному из воинов куда-то вниз, после чего, стремительно спустившись во двор, принялся отдавать приказы, но его голос потонул в грохоте пушек. Наконец, собрав вокруг себя отряд, он взмахнул рукой, увлекая людей за собой, и через мгновение скрылся из виду.

Акира попытался проследить, куда двинулись воины, но резкий свист заставил его замереть и пригнуться. Ядро, прочертив дугу, проломило крышу храма. Из распахнувшихся дверей вырвался столб пыли; вниз посыпались щепы, осколки черепицы и каменная крошка. Следом раздался короткий женский крик — полный боли и отчаяния.

В тот же миг пространство перед глазами пошло цифровой рябью. Воины застыли. Звук оборвался. Дым неподвижно повис над землей.

Профессор Кэндзо хлопнул ладонями — негромко, но достаточно, чтобы привлечь внимание молодежи, успевшей

разобрестись по периметру виртуальной реконструкции.

— Уважаемые студенты, прошу подойти ко мне и посмотреть на южные ворота. Да-да, не стесняйтесь: на стену можно подняться.

Он нахмурился, заметив двух парней, которые где-то раздобыли катаны и теперь, корча зверские рожи, изображали поединки.

— Икэда, Тономура, прекратите. Это не игра, а серьезная научная программа.

Тут же послышался едкий комментарий:

— Они сражаются за руку прекрасной Мидзуки-химэ!

Студенты рассмеялись. Одна из девушек вспыхнула и смущенно отвела взгляд. Кэндзо насупился еще сильнее, коротко повел рукой — и мечи, рассыпавшись цифровыми искрами, исчезли.

Дождавшись тишины, профессор указал туда, где несколькими минутами раньше скрылся самурай, заинтересовавший Акиру.

— Сейчас мы увидим одно из ключевых столкновений зимней осады Осаки: атаку на ворота Хаттёмэгути.

Он снова запустил симуляцию.

Мир ожил: с прежней силой вернулись грохот орудий, крики и звон стали. Самураи в черных доспехах бросились к воротам, поднимая ногами облака пыли; за их спинами развевались флаги с гербами кланов. Казалось, еще мгновение — и они ворвутся во двор, но сложное устройство укреплений

ний не позволяло атакующим пройти всем сразу. Ряды растянулись, строй распался, и тогда с внутренней стороны ворот на них обрушился самурай в серебристых доспехах со своим отрядом.

Контратака оказалась такой стремительной, что передние ряды нападавших не выдержали удара. Воины в черном падали один за другим; тех, кто еще держался на ногах, защитники теснили за внешнюю линию стен. Едва враг оказался снаружи, сверху ударили десятки мушкетов-тэппо. Пули пробивали доспехи и сбивали людей с ног; клинки настигали тех, кто не успевал отступить.

Несколько студенток испуганно закрыли лица ладонями, кто-то отвернулся. Спокойствию же профессора Кэндзо можно было только позавидовать: словно для него это были картинки из учебника, а не кровавый кошмар наяву.

— Перед вами момент, когда молодой генерал Кимура Сигэнари отбивает натиск войск Мацудайры Таданао, внука самого Иэясу, — ровно комментировал он. — В этот и последующие дни войска Токугавы потерпят несколько крупных поражений. Если бы не превосходство в живой силе и артиллерии, а также прошение о мире от госпожи Ёдогими...

Он умолк. Пространство дрогнуло и сместилось. Теперь профессор указывал на поврежденную пушечным ядром пагоду во дворе: оттуда выносили тела служанок. Следом появилась женщина в богатом кимоно; она заметно дрожала и едва держалась на ногах. Над ее головой вспыхнула систем-

ная подсказка: «Ёдогими — мать Тоётоми Хидэёри».

— ...еще неизвестно, в какой стране мы бы сейчас жили,
— закончил Кэндзо.

Он обвел студентов взглядом и добавил:

— На этом завершим сегодняшнее занятие. В следующий раз мы вернемся в Осаку, но уже к событиям, которые привели к окончательному утверждению сёгуната Токугава на ближайшие два с половиной века.

Виртуальная симуляция рассеялась. Двор, стены, дым и тела исчезли; студенты снова оказались в лекционной аудитории и тут же зашумели, собирая вещи.

С задних скамей вдруг донесся звонкий девичий голос — достаточно громкий, чтобы почти все, включая Акиру, обернулись. На курсе он эту девушку не встречал, но она сразу завладела его вниманием, всколыхнув старое болезненное воспоминание. Чем-то она напоминала Сакуру: манерой держаться, одеждой, прической. Только волосы у нее были угольно-черные, плотные, с холодным блеском воронова крыла.

— Профессор, можно вопрос? — спросила девушка. — Вы сказали: неизвестно, в какой стране мы бы жили, если бы Иэясу проиграл. Что именно вы имели в виду?

— Простите, я не расслышал ваше имя.

— Томоз, профессор. Томоз Куроха.

От этого имени Акиру бросило в холодный пот. Рюкзак выскользнул у него из рук и глухо стукнулся о скамью.

— У вас редкая фамилия. С историей, — профессор на мгновение задумался. — Что касается вашей реплики: многие считают, что период изоляции, начавшийся после смерти Иэясу при его сыне Хидэтаде, сильно затормозил развитие нашей страны. И только с наступлением эпохи Мэйдзи Япония начала понемногу догонять другие державы.

— А вы так не считаете?

— Я историк, Томоэ, и работаю с фактами. Но если вам нужно мое мнение, то без объединения страны и жесткой политики изоляционизма Япония вполне могла стать английской или португальской колонией. Возможно, как государство она бы вовсе не сохранилась.

— И чем это отличается от того, к чему мы пришли сегодня? Автономные регионы, поделенные между корпорациями на остатках архипелага.

— Томоэ, вы слишком категоричны. Нам нужно время, подобные глобальные кризисы быстро не проходят.

— Что-то незаметно, чтобы подобное коснулось России или Китая.

— Вот вы сами и подтвердили мою мысль. Что привело их к нынешнему лидерству? Десятилетия изоляции, санкционное давление и опора на собственные силы. Им пришлось выстраивать внутренние производственные цепочки, развивать науку, укреплять военные и энергетические союзы. В итоге Россия, Китай и Индия стали ядром Евразийского конгломерата, тогда как остальной мир распался на корпоратив-

ные зоны влияния. Но новейшую историю мы подробно рассмотрим в следующем семестре. На сегодня все, вы свободны.

Студенты потянулись к выходу. Акира торопливо схватил рюкзак и стал пробираться к двери, стараясь не потерять Куроха из виду. Ее силуэт то возникал в толпе, то снова пропадал: прямые черные волосы, мешковатая кофта, широкие штаны.

— Акира! Эй, Акира, друг!

Двое парней из группы — Икэда и Тономура, те самые, что минуту назад размахивали катанами, — перегородили ему путь. Месяц назад Акира завис с ними на ночь в игровом клубе просто от нечего делать. С тех пор они почему-то считали это близкой дружбой и при каждом удобном случае тянули его с собой.

— Пошли в клуб, — ухмыльнулся Икэда. — В «Гладиаторах» сегодня обнову накатили. Приватные арены, спарринги против симуляций реальных чемпионов... У меня уже руки чешутся надрать зад «Огру» Куроганэ.

— Не сегодня. — Акира попытался проскользнуть мимо, но приятели не отставали.

— Слушай, там скидки: групповой абонемент на сутки за полцены. Минимум троих надо!

В этот момент Куроха как раз исчезла за дверью.

— Серьезно, отвалите. — Он резко оттолкнул их и рванул к выходу.

— Ты чего, дурак? — донеслось вслед. — Нет так нет, мы поняли. Чего толкаться-то?

Акира выбежал в коридор, но девушки уже нигде не было.

Снаружи стояла промозглая сырость. Низкие тучи затянули небо; мелкий дождь лип к одежде, холодной взвесью оседая на рукавах и воротнике. Акира поежился, натянул капюшон и вышел во двор.

Часы показывали половину четвертого. Если он не поторопится, Гинтаро опять начнет ворчать и, чего доброго, оставит его до поздней ночи. Перед новогодними праздниками работы навалилось столько, что свободного времени почти не было, а до зимних экзаменов оставалось чуть больше месяца. Срок поджимал, особенно если учесть, что к учебникам Акира так и не притронулся.

У ворот, на стене лабораторного корпуса, он заметил странную отметку: тонкий штрихкод, едва мерцавший неоновыми бликами. Сигнатура стримера⁸ — JPN_Liberty27. Метку могли видеть только подписчики, для остальных — обычный кусок серой стены.

Полгода назад Либерти внесли в список экстремистов. Говорили, за критику власти и призывы к протестам; на него даже выдали ордер, но он все равно продолжал вещать — то ли скрывался в другой автономии, то ли давно сбежал за границу.

⁸ Стример — человек, ведущий прямые трансляции в интернете.

Когда Акира подошел ближе, штрихкод словно узнал его: мигнул, и в мессенджере тут же всплыло уведомление со ссылкой на ближайший стрим: «Что скрывают в „Oni Corp“? Тайный заговор властей о контроле сознания кансайцев».

— Тебе не кажется, что это выглядит странно? — раздался за спиной насмешливый голос. — Таращиться на стену посреди улицы. Тут одно из двух: либо ты видишь то, чего нет, либо ты псих.

Акира резко обернулся. Рядом стояла Куроха: руки глубоко в карманах, глаза спрятаны за темными очками, на голове — бейсболка с незнакомым логотипом: девять кругов, восемь малых вокруг одного большого. Обычно на кепках красовались названия местных команд, городов или брендов, но этот знак он видел впервые.

— Дело твое, конечно, — продолжила она, — но я бы на твоём месте так не палилась. Штраф и запись в реестре депбеза из-за этого клоуна Либерти — удовольствие сомнительное.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ну да. Как скажешь.

Он присмотрелся и понял, что сходство с бывшей подругой было обманчивым. Куроха оказалась выше, держалась ровнее, увереннее, почти вызывающе. Сакура, наоборот, всегда казалась слегка зажатой: часто втягивала голову в плечи, будто пыталась стать незаметнее и укрыться от чужих взглядов.

— Я тебя раньше не видел. Недавно перевелась?

— Неделю как. Из Кагавы.

— С Сикоку? — удивился он. — Говорят, у вас там делают лучшее железо.

— Потому и пришлось переехать. — Она пожала плечами. — Отца командировали в местное отделение. Ваши виртуальщики из «Oni» строят новый дата-центр неподалеку от Вакаямы.

— Понятно... — Акира нахмурился. — Погоди. Ты тоже видишь метку?

— Ага. Пытаюсь быть в тренде. — Она протянула руку: — Томоэ Куроха, если что.

— Кондо Акира. Я слышал, как ты спорила с профессором. Мне показалось, или Кэндзо съехал с темы?

— Он просто реалист.

— А ты?

— Тоже, — ответила девушка. — Только я живу в будущем, а он застрял в прошлом.

В этот момент на территорию кампуса вошел мужчина лет тридцати: короткая стрижка, кожаная куртка, сосредоточенный взгляд. Акира невольно напрягся и отступил от стены. Куроха же, заметив его, махнула рукой, давая знак подождать, как старому знакомому.

«Для отца слишком молод. Брат? Парень?» — подумал Акира.

— Ладно, мне пора. Не скучай, Кондо.

Куроха сделала несколько шагов, остановилась, будто вспомнив что-то, вернулась и сняла очки. На периферии интерфейса дополненной реальности Акиры мигнула иконка входящего сообщения.

— Если захочешь послушать людей поинтереснее Либерти — приходи.

— Буду иметь в виду. Эм, слушай... у тебя, случаем, не было сестры?

— Сестры? — Куроха замерла. Всего на миг, но Акира заметил, как дрогнул ее взгляд. — Нет. Не припомню.

Она резко повернулась к мужчине, который уже подошел почти вплотную, перехватила его под локоть и потянула за собой.

— Рэн, какого черта ты приперся? — донесся до Акиры обрывок фразы.

Через несколько секунд они свернули за угол и растворились в дождевой пелене. Акира проводил их взглядом и дал команду нейроимпланту открыть сообщение. Перед глазами всплыло черное окно, похожее на командную строку старого терминала. Изображение подернулось цифровой рябью; на долю секунды помехи сложились в слово «Эйси» — и исчезли.

«Вирус?»

Но антивирус молчал. Система работала штатно: никаких новых процессов, никаких предупреждений. Акира недовольно нахмурился.

«Странная все-таки эта Куроха. И что это за „Эйси“? В кандзи это слово, кажется, означает „страж“... Хотя, может, просто глюк Потока. При встрече спрошу, что за хрень она мне прислала».

Он поправил рюкзак и направился к подземке.

Клуб встретил Акиру мертвой тишиной.

Над барной стойкой тускло мерцала вывеска «Вижн». Неоновый свет растекался по пустому залу, время от времени окрашивая его то в холодный голубой, то в болезненно-зеленый оттенок.

Спустившись по лестнице, Акира остановился у свежей афиши. Голограмма мгновенно отозвалась на его приближение: молодая девушка на фоне ночного мегаполиса протянула к нему руку, будто приглашая шагнуть навстречу. Внизу крупными буквами мерцало:

EVA — ХОЛОДНЫЙ СТАРТ

EVA — новый айдол, невероятно перспективная, «следующая MAKINA», если верить рекламе. По словам Гинтаро, ему стоило огромных усилий уговорить ее продюсера устроить дебютное выступление именно здесь. Под названием коллектива значилась сегодняшняя дата — 20 декабря.

Акира подошел к стойке, перегнулся через столешницу и достал из-под бара апельсиновый сок и чистый бокал. Звон стекла нарушил тишину.

— Кто там? — донеслось сверху.

На втором этаже, в дверях кабинета, показался Гинтаро. Увидев Акиру, он вышел на площадку и оперся о перила. Несколько секунд владелец клуба молча разглядывал парня, пока тот шумно пил сок и смотрел в ответ.

За последний год Гинтаро изменился почти до неузнаваемости. Старые футболки и карго-брюки исчезли, будто их никогда не было; теперь он носил белоснежные рубашки и строгие черные костюмы. От бывшего военного в нем остались разве что взгляд — жесткий, внимательный, оценивающий. Такой, по мнению Акиры, мог быть у якудза-босса из старого кино.

— А, Акира. Чего мокрый? Опять дождь? — буркнул Гинтаро. — Слушай, Сузу из сервиса вернули. Запусти ее, пусть готовит зал. Сам сделай опись алкоголя. Там то ли накладка у логистов, то ли поставщик мутит: половина коробок пришла без акциза. Отказываться я не стал, но в следующий раз будем выбивать скидку. Все проверишь, отчет пришьешь. Окей?

Акира допил сок, кивнул, сбросил у стойки рюкзак с курткой и направился на склад.

Дела у Гинтаро шли в гору. Он расширил клуб, выкупил соседнее здание и перестроил его под основную сцену. Старый зал отвел под репетиционную базу, а подсобки — под склады оборудования и товара. Но сегодня, накануне большого концерта, репетиций не было, и помещения пустовали.

Акира включил свет. На стенах ожили голографические постеры: лица музыкантов, выступавших здесь в разные годы, вспыхнули цветными огнями. Между ними висели старые гитары — те, которым не нашлось места на новой сцене. Среди них была и гитара Сакуры. Гинтаро поднял половину своих связей, чтобы вытащить инструмент из вещдоков после описи ее имущества.

Все решили, что здесь ей самое место: среди голосов и песен таких же молодых исполнителей, какой когда-то была она. О том дне в клубе почти не говорили. Стоило кому-то ненароком поднять эту тему, как разговор мгновенно угасал.

Акиру, Юдзи и Ринку целый месяц таскали по кабинетам — допрашивали то в Департаменте безопасности, то в Управлении службы противодействия чрезвычайным ситуациям «Родан». Спрашивали про «Окинавских псов», про «Накашиму», про тех, с кем Сакура контактировала до инцидента. Иногда всплывали имена, от которых у Акиры внутри все неприятно сжималось. Потом Гинтаро с кем-то переговорил, куда-то позвонил — и от них наконец отстали.

К тому, что Сакуру теперь официально называли террористкой, Акира так и не привык. Взрыв небоскреба в центре города, нападение на Департамент безопасности — теперь эти трагедии намертво приклеились к ее имени. Но с «Окинавскими псами» она связана не была. Он знал это наверняка: ведь Сакура сама когда-то отчитала его за подобные знакомства.

По ночам ему снился один и тот же репортаж: Сакура на крыше, кольцо спецназа, кровавое облако на месте головы и тело, исчезающее за парапетом. Днем же память подбрасывала совсем другое: зоопарк Тэннодзи, Сакура у ограды, олени тянутся к ней, а она звонко смеется, пока кормит их с рук.

Он выдохнул, отгоняя воспоминание и всплывшее перед глазами фото того счастливого дня.

«Надо кинуть весточку Юдзи, — подумал он. — Узнать, как они там. И когда собираются возвращаться».

Последний раз они созванивались пару недель назад. Юдзи и Ринка, недолго думая, оформили отношения и отправились в свадебное путешествие в Россию. Странный выбор. Акира, если когда-нибудь и выберется за границу, точно не поедет в страну, где, как говорил Либерти, зимой перед выходом на улицу нужно выпить бутылку водки.

Стример даже показывал видео, в котором на улицах Москвы будто бы не встречалось ни одного трезвого человека. Потом выяснилось, что ролик поддельный — сгенерированная фальшивка. Акира охотно в это поверил: друзья уверяли по связи, что вокруг спокойно, а люди приветливые, хотя зимой такой холод, что из пуховиков и меховых шапок они почти не вылезают.

Нет, такой климат был точно не для него. Уж лучше махнуть на Окинаву — для осакцев туда недавно как раз открыли свободный въезд.

С этими мыслями он дошел до подсобки.

Между коробками застыла женская фигура: сервисная кукла, андроид последнего поколения SUSU-NX10. Если не знать заранее, ее легко было принять за живого человека. Кожа, волосы, имитация дыхания, едва заметное моргание — все рассчитано на то, чтобы люди чувствовали себя комфортно рядом с такой машиной.

Жители Осаки и сами не заметили, как быстро куклы стали частью повседневной жизни. Раньше подобные роботы встречались только у военных и в отдельных техслужбах. Все изменилось после появления адаптивных моделей: они не просто выполняли команды, а учились, подстраивались под обстановку и совершенствовали навыки общения. Они таскали грузы, убирали квартиры, ухаживали за стариками, стояли за стойками дорогих ресторанов — и точно такая же кукла сейчас ждала включения в клубной подсобке.

— Сузу, активация, — сказал Акира и подключился к ее ПО.

Глаза куклы вспыхнули мягким голубым светом.

— Господин Акира, рада видеть вас в добром здравии.

— Слушай, займись основным залом. Проверь сцену, аппаратуру, проведи полную диагностику системы. Потом настрой терминал пропуска посетителей. Когда закончишь, перенеси со склада пять кегов с пивом и пару коробок крепкого алкоголя. Одну возьми отсюда — вот эту, из старой партии. — Он указал в угол.

— Запрос принят.

Сузу моргнула почти по-человечески и направилась выполнять задание.

— И без сюрпризов, ладно? После прошлого сбоя мне до сих пор не по себе. В сервисе точно все исправили?

— Фиксировались эпизоды некорректной интерпретации визуального потока, — ровным голосом отозвалась она. — Восприятие окружающей среды перекрывалось галлюцинационными образами. На данный момент проблема устранена.

Кукла подняла тяжелую тару с бутылками так легко, словно та ничего не весила, и вышла из подсобки.

Акира вернулся к рутине: распаковывал коробки, сканировал этикетки, заносил данные в общую базу клуба. Алкоголь, черт бы его побрал. Половина бутылок действительно пришла без акциза. Если нагрянет внезапная проверка, Гинтаро влетит по полной.

Акира открыл одну из бутылок и принялся. Система «сида» тут же вывела в поле зрения данные о составе и предполагаемых производителях. Среди совпадений значилась «Ширакава» с восстановленной дистиллерии на Кюсю. Этикетка не врал.

Следующая бутылка была как раз без акциза. Тоже «Ширакава». На первый взгляд все сходилось, но имплант зафиксировал пониженный градус, следовые железистые примеси и слабый уровень дубильных веществ. Выдержка — года три, никак не двенадцать. Похоже, кто-то скупил бракованную партию, перегнал ее в крупной стальной емкости, разлил по

бутылкам и контрабандой отправил в Осаку под видом элитного алкоголя.

На коробке значился адрес отправителя — Кобе.

— Отлично... Еще и Кобе, — пробормотал Акира.

Криминал поселился там плотно и надолго. Ни Совет, ни силовики без крайней нужды в этот город не совались.

Акира взглянул на часы: до концерта оставалось ровно четыре часа. Он глубоко вздохнул, вскрыл следующую партию коробок и продолжил опись.

— Эй, ты чего завис? Как кукла, у которой проводку коротнуло.

Акира вздрогнул. Перед ним, бесцеремонно навалившись локтями на барную стойку, стояла крашеная блондинка в потертой футболке с логотипом какой-то древней американской рок-группы. Она надула розовый пузырь жвачки, щелкнула им и снова уставилась на парня.

— Я говорю, сделаешь мне «Отвертку»? И водки двойную туда бахни, ага?

Акира кивнул и на автомате принялся за заказ. Руки сами нашли стакан, лед, бутылку, сок и трубочку; голова при этом оставалась мутной, будто ее набили ватой. Вокруг грохотала музыка: разогревающая команда честно отрабатывала свое время, изо всех сил пытаясь запомниться публике. В глазах рябило от неоновых курток, мерцающих платьев и светящихся браслетов. Народу набилось столько, что клуб

все больше напоминал старую компьютерную игру из эпохи, когда будущее рисовали слишком ярким и слегка безумным.

Ощущение нереальности не отпускало. Несколько последних минут начисто стерлись из памяти. Он помнил, как открыл кассу, начал принимать заказы, как Сузу подхватила поднос с напитками и ушла в VIP-зону. Дальше — провал.

Он бросил лед в хайбол, плеснул двойную порцию водки, долил апельсиновый сок, быстро перемешал и поставил бокал перед девчонкой. Та наклонилась, шумно втянула коктейль через трубочку, а затем, отложив ее, одним махом допила все до дна и хлопнула стаканом по стойке.

— Повтори.

Она резко выбивалась из сегодняшней тусовки — будто байкершу-босодзоку⁹ по ошибке занесло на закрытый аристократический прием. Потертая футболка, жвачка, рокерская развязность — все это никак не сочеталось с неоновым глянцем вокруг.

— Не мое дело, — осторожно заметил Акира, забирая стакан, — но ты не слишком разогналась? Отвалить кучу бабла за билет и провести вечер в обнимку с унитазом — удовольствие сомнительное.

Девушка усмехнулась, в ее голосе прорезалась легкая хрипотца:

⁹ Босодзоку — японская полукриминальная субкультура уличных мотоциклетных банд, известная шумными ночными заездами, вызывающей одеждой, переделанными байками и демонстративным нарушением общественного порядка.

— Поверь, свое выступление я точно не пропущу.

— Свое?.. Но разогревающих команд больше не... — Он осекся.

Ее лицо сложилось в знакомый образ: дерзкий прищур, резкая линия скул, профиль, который он совсем недавно видел на афише у входа.

— Ты Ев...

— Только никому, ладно? — Она приложила палец к его губам, соскользнула со стула и направилась к сцене, ловко протискиваясь между гостями.

Разогрев к тому времени закончился, и зал на мгновение притих. Потом по нему прокатился нарастающий гитарный рифф, сразу подхваченный ревом толпы. Свет погас; вместо него вспыхнули голограммы. Сначала над сценой распустилась объемная хризантема — символ имперской Японии, затем ее сменила суровая проекция старого флага с красным солнцем и расходящимися лучами. Следом появились самолеты Второй мировой, ведущие яростный бой над океаном. Визуальный ряд был слишком резким, вызывающим, куда агрессивнее обычной айдол-сценографии.

Потом ударил бас — гулко, тяжело, так, что зазвенело стекло на полках. На сцену вылетела Ева со своей группой.

Контраст с разогревом был разительным: никакой лакированной милоты — только сырой, дикий драйв. Публика по привычке подняла неоновые палочки, но движения людей стали рваными, хаотичными, будто толпа пыталась пой-

мать не четкую хореографию, а ритм анархии. Все это выглядело абсурдно, но Акира уже не мог отвести глаз. Сцена поглотила все его внимание. До боли знакомый напор — как когда-то на их с Сакурой выступлениях. Даже мелодии будто отдавали эхом прошлого, но тексты... тексты теперь были куда жестче, острее.

На экране за спинами музыкантов вспыхивали названия композиций: «Саботаж», «Хаос», «За стеной», «Осада Осаки».

Как, черт возьми, Гинтаро пропустил такое? Если власти узнают... да что там «если» — узнают точно: половина зала уже вовсе снимала выступление. Но сам хозяин клуба куда-то запропастился. Сузу тоже не было видно.

Акира стал озираясь, чувствуя, как напряжение сжимает виски. В этот момент в помещении резко вырубилось электричество, и зал накрыла тяжелая, вязкая тишина.

Следом раздались сухие хлопки.

По лестнице загрохотали тяжелые ботинки. В зал ворвались люди в темной форме, тактических масках и броне, с автоматами наперевес. Кто-то из толпы рванул к выходу, но один из бойцов дал очередь поверх голов. Пуля разбила проектор; стекло осыпалось на пол мелкой звенящей крошкой.

— Всем оставаться на местах! — гулкий металлический голос ударил по ушам. — Служба противодействия чрезвычайным угрозам «Родан». Проводится проверка информации о несанкционированном агитационном мероприятии.

Приготовить документы. Сотрудникам клуба — предоставить записи с камер. Мы разыскиваем Эгаву Аой, известную как Ева.

Краем глаза Акира заметил, как Ева и музыканты, пользуясь сумятицей, пытаются скрыться через служебный проход. Один из штурмовиков увидел их и бросился следом.

Акира выскользнул из-за стойки и, держась в тени, добрался до двери, за которой скрылись беглецы. За порогом тянулся темный коридор; где-то впереди мелькнул зеленоватый отблеск прибора ночного видения. Парень активировал перед глазами дополнительный фильтр — нелегальное ПО, недавно купленное в Потоке, — и из темноты проступили контуры стен.

Коридор вывел его в старую репетиционную. Голографические постеры на стенах мерцали с перебоями, давая тусклый, рваный свет. В этом неровном сиянии Акира увидел разгромленную комнату: гитары, стойки, тарелки, кабели — все было безжалостно раскидано по полу.

В центре неподвижно лежали музыканты, под их телами стремительно расплзались темные лужи. Ева сидела у стены, всхлипывала и закрывалась руками от преследователя в форме «Родана».

— В чем? — выдавила она. — В чем они... я... мы виноваты? Это просто песни...

— От вас, крыс, одни проблемы, — холодно сказал оперативник. — Понаехали как к себе домой. Мутите воду. Ре-

шили, вам тут все должны? Хватит.

Он демонстративно перезарядил пистолет и направил ствол Еве в лицо.

— Посадить вас — значит сделать мучениками. А так... убиты при сопротивлении. В рапорте так и укажем. Свидетелей найдем, видео подправим. Думаете, только у вас есть спецы по дипфейкам?

Ева вскочила и метнулась в сторону. Прогремел выстрел. Пуля ушла в темноту и врезалась в висевшую на стене гитару Сакуры. Дерево треснуло, струны лопнули с визгливым звоном. Второй выстрел ударил в один из постеров, и Акира различил на нем лицо Сакуры: изображение засбоило, в голографическом лбу раскрылась рваная пустота, а вниз тонкой алой полосой потекла кровь.

Штурмовик снова прицелился. Ева обернулась, увидела Акиру — и вся ее наглость, насмешка и рокерская бравада исчезли. Остался только дикий страх. И немая просьба о помощи.

Акира подхватил с пола гитару, шагнул из темноты и со всего размаха ударил роданца по голове.

Фигура мгновенно вспыхнула россыпью неоновых пикселей, будто подтверждая, что все это с самого начала было симуляцией. Помещение дрогнуло. Тяжелая рябь пошла по стенам, телам и воздуху. Ева исчезла. Музыканты и спецназ растворились, словно их никогда не было. Голограммы погасли.

Акира снова стоял за барной стойкой.

Перед глазами мигало системное сообщение:

«ТЕСТ ПРОЙДЕН. ДОСТУП ПРЕДОСТАВЛЕН».

Следом всплыло короткое текстовое уведомление:

«Амагасаки. Бар „Тачибана“. 21 декабря, 20:00. Не опаздывай. — Томоэ Куроха».

Через секунду буквы исчезли без следа.

Зал был прежним — громким, ярким, пульсирующим жизнью. Никакой облавы, никаких выстрелов и трупов на полу. Обычная ночная смена. На сцене выступала настоящая Ева, из плоти и крови; позади нее мерцала вывеска EVA. И, судя по тому, как она держала публику, реклама не врала: она действительно могла составить конкуренцию MAKINA.

Но ее идеально выверенные, отточенные по стандартам индустрии композиции не имели ничего общего с той дикой, необузданной энергией, которую Акира только что видел...

«...где видел? Или в чем?»

— Кондо! — Гинтаро помахал ладонью у него перед лицом. — Ты что, опять завис? Работать будем или как?

Акира тяжело сглотнул, приходя в себя. На сетчатке глаза все еще тлел призрачный след от имени: Томоэ.

Глава 4

Занавеска лениво покачивалась на ветру. С моря тянуло прохладой и солоноватой свежестью раннего утра. В комнату скользнул призрачный солнечный луч. Добрался до зеркала, отразился и безжалостно ударил мне прямо в лицо. Я поморщилась, тихо застонала и зарылась глубже в одеяло, надеясь выкроить еще минутку сна.

Не вышло. Кровать предательски дрогнула, и сверху на меня обрушилось теплое, тяжелое, возмутительно довольное нечто. Мокрый язык прошелся по щеке, по подбородку, затем повторил круг.

— Юки, прекрати! — рассмеялась я и спихнула собаку на пол.

Открыв один глаз, я увидела, как она положила голову на край постели и смотрит на меня с безграничной преданностью и немым вопросом: «Ну? Ты встаешь или мне повторить?» Я подмигнула ей, приподнялась и выглянула в окно. Волны ровно накатывали на песок, оставляя тонкие кружева пены. В небе кружили чайки, время от времени разрывая утреннюю тишину скрипучими криками.

Еще один день в этом прекрасном, до боли пустом мире. Без времени, без людей и, похоже, без единого шанса выбраться.

Я потянулась, скинула одеяло и сунула ноги в тапочки. По

пути на кухню Юки обогнала меня, виляя пушистым хвостом-бубликом. Тут же раздался знакомый металлический скрежет — она требовательно боднула миску носом, намекая, что ее голод уже сравним с катастрофой вселенского масштаба.

Достав из шкафа пакет, я высыпала в миску горсть коричневых «печенек», похожих на маленькие косточки. Юки тут же уткнулась в еду и громко захрустела.

— Один пассажир накормлен, — пробормотала я. — Теперь бы и о себе позаботиться.

Быстро приготовив тамагояки¹⁰, я села за стол и привычно вызвала панель администратора. В воздухе возникли полупрозрачные окна, аккуратные иконки и метрики состояния хаба. Здесь мне подчинялось почти все. Я могла менять погоду, регулировать время суток, синтезировать продукты, визуализировать книги и фильмы — делать все, чтобы не свихнуться от одиночества.

Сегодня хотелось дождя. С громом и шквалистым ветром, который будет раскачивать сосны в лесу, пытаюсь уничтожить этот фальшивый рай. А я растоплю камин, накроюсь пледом и, поглаживая Юки, буду смотреть очередной сериал про средневековую Японию.

Где-то за морем глухо загрохотало — система откликнулась на запрос.

¹⁰ Тамагояки — блюдо японской кухни: сладкий или пряный омлет, который готовят тонкими слоями и постепенно сворачивают в рулет.

Доев завтрак, я свернула панель и пошла по знакомому маршруту: через лес, к бассейну. Туда, где скрывалось самое хрупкое, странное и единственное, что еще удерживало во мне надежду.

На тропинке между деревьев мысли снова вернулись к тому дню, когда я попала сюда. Казалось, меня разобрали на атомы, протащили через ускоритель частиц и выплюнули на пляж напротив коттеджа, который стал моим домом на целый год.

Как я тогда не сошла с ума — до сих пор не понимаю. Хотя, возможно, все-таки сошла. В голове все смешалось: сознания Саи и Сакуры слились воедино. В моих воспоминаниях рисовые поля и блеск катан соседствовали с бетонными высотками и неоновыми вывесками. Холод больничных коридоров и рев публики на концертах вплетались в обжигающий мороз горных перевалов и крики птиц над полями сражений.

Первое время я ломала над этим голову. Потом приняла и смирилась.

Эта двойственность помогла мне наконец осознать все, что произошло. До мельчайших деталей. Я смогла сбросить ярмо слепой веры в названного «отца» и фальшивого хозяина — Такэду Синдзо. Человека, который маниакально пытался исправить то, что сотворил с родной дочерью, не гнушаясь никакими, даже самыми бесчеловечными средствами.

Сколько нас было? Двадцать? Все из одного детдома. Все

— Томоэ. «Сестры, дочери» — как же... В лаборатории нас называли проще: контейнеры.

Я даже удивилась, когда меня отпустили в Осаку и позволили жить обычной жизнью, лишь время от времени вызывая обратно в Киото якобы на процедуры. Теперь я знала, зачем это было нужно. Хотя, может, именно благодаря этому я и выжила. И обрела некоторые способности.

С их помощью я и восстановила лохматое чудо, которое сейчас трусило рядом, временами срываясь в чашу за очередным цифровым зайцем. Это случилось в первый месяц заточения, когда я уже начинала выть от тоски. В траве возле бассейна я нашла ошейник со стальной биркой, на которой был выгравирован иероглиф «счастье», и невольно вызвала в памяти образ Юки. Собака материализовалась мгновенно, будто само это место подчинялось моей воле.

Я боялась, что после случившегося она убежит или бросится на меня. Но Юки лишь посмотрела преданными глазами, села на задние лапы и ободряюще гавкнула.

Оказалось, я могу управлять абсолютно всем в этом закупоренном мирке. Кроме одного.

Мне никак не удавалось найти выход. Ни в Ямато — виртуальную среду Потока, — ни во внешний мир пробиться не получалось. Что стало с моим настоящим телом, я тоже не знала. Оставалась единственная зацепка: схлопнувшаяся червоточина в центре бассейна, которую я безуспешно пыталась восстановить весь этот год.

Юки вдруг замерла, повела носом по воздуху и с громким лаем рванула вперед. Через несколько шагов я увидела то, что ее так встревожило.

На дне чаши, отделанной голубой плиткой, призывно пульсировала трещина. Разрыв в пространстве. Точь-в-точь как тогда.

Невольно вспомнились Тайра и Гурэн. Люди, которые искренне хотели помочь и сами не понимали, кого привели в это место.

Тайра погиб от моей руки: я заразила его «сид» вирусом, разработанным в «Шинкае». Программа вызвала резкий скачок давления. Сосуды в мозге не выдержали, началось кровоизлияние.

«Да, — подумала я. — За мной просто тянется дорожка из трупов».

Такэда ревностно берег свои секреты, особенно те, что хранились в дата-центре «Takeda Group» — там располагался серверный кластер с остатками сознания его дочери. И туда, как выяснилось, можно было проникнуть через этот портал, спрятанный в богом забытом хабе мертвого дрифтера Соломона.

Схлопнув червоточину, Сая запечатала хаб. Теперь я знала это из наших общих воспоминаний. Видимо, уже тогда, где-то на краю сознания, она понимала: однажды Такэда захочет избавиться и от нее. И оставила путь к отступлению.

Я спустилась в бассейн. Юки крутилась вокруг портала

и тревожно лаяла — ее явно что-то смущало, хотя раньше она гоняла в серую зону как к себе домой. Подойдя ближе, я отключила программу дешифровки, запущенную еще год назад, и посмотрела на собаку. Она все поняла и жалобно заскулила.

— Спокойно, — я наклонилась и почесала ее за ухом. — Я только одним глазком. Зайду и сразу выйду. Ты даже соскучиться не успеешь.

Я выпрямилась, глубоко вдохнула и после короткого колебания шагнула вперед.

Пространство налетело на меня, как скоростной поезд. Вспышка — и я оказалась в тускло освещенном коридоре. Полумрак, дрожащий свет, запах пыли и дешевого пластика. Люди в домашней одежде выглядывали из полуоткрытых дверей: кто в халате, кто с ребенком на руках. Лица у всех были настороженными, и стоило мне приблизиться, двери поспешно захлопывались.

Странная симуляция: кому вообще пришло в голову моделировать этот виртуальный муравейник с такой дотошностью?

В конце коридора неровно мерцала одинокая лампа. Я двинулась вперед, держась ближе к стене и стараясь не выходить на свет. Панель администратора работала и здесь, я могла вернуться в хаб в любой момент. Но любопытство и год заточения тянули меня дальше.

Над головой внезапно ударил резкий голос, будто сорвав-

шийся с громкоговорителя:

— Служба противодействия чрезвычайным угрозам «Родан»! Всем оставаться в квартирах! Идет антитеррористическая операция!

Из-за поворота выскочил вооруженный мужчина в военной форме. Грубо оттолкнув меня, он рявкнул:

— С дороги, гражданский! Не мешайся!

Но уже через секунду замер. Что-то в моей внешности смутило его. Он медленно повернул голову.

— Какого черта?.. — выдохнул он. — Ты... из другого сценария. Тебя тут быть не должно.

Ствол винтовки поднялся. В мою сторону потянулась тонкая красная нить лазерного прицела. Его палец лег на спусковой крючок.

Думать было некогда. Я бросилась вперед, перехватила ствол и вывернула его вверх. Очередь ушла в потолок. Раскаленный металл обжег ладонь. Мы сцепились, теряя равновесие, но в падении я успела ударить бойца снизу в челюсть. Tактический шлем сорвался с его головы и, глухо стукнувшись о стену, отлетел в сторону.

Мы встретились взглядами — и в этот миг я увидела его мозг. Не в переносном смысле. Буквально. Сеть нейронов, бешеные вспышки импульсов, потоки сигналов, стремящиеся к крошечному устройству, вживленному глубоко внутри, — к его «сиду».

Меня затянуло туда, как в воронку. Пространство исчез-

ло. Звук смолк. Свет погас. Осталось только дикое давление — такое, будто меня разом сжали до бесконечно малой точки и растянули до размеров вселенной.

Я провалилась в темноту.

Очнулась от резкого женского крика, полного паники:

— Инуи, реанимационный набор, быстро!

Я распахнула глаза. Больничная палата. Люди в белых халатах окружали меня плотным кольцом. Они переглядывались с таким видом, будто созерцали восставшего из мертвых.

Глава 5

Во дворе росла кривая сакура. Весной цветы и листья, наверное, скрывали ее уродство, но теперь голые ветви торчали под неестественными углами, как вывернутые руки — будто само дерево умоляло избавить его от мучений.

По пути к машине Рюдзи невольно засмотрелся на него.

Несколько минут назад он передал Томоэ Фуюку санитарам «Кайдзэна». Девушка — точнее, Хейта, который сейчас управлял ее телом, — вела себя спокойно: позволила надеть нейроблок, не сопротивлялась, сама пошла к крыльцу. Только у ступеней обернулась и на миг встретилась с Рюдзи глазами. Он так и не понял, что было в этом взгляде: благодарность, укор или простое прощание.

Директор Эмура, обычно встречавший Рюдзи в таких случаях лично, сегодня не появился. Вместо него вышла заведующая Канзаки. Держась сухо и строго по протоколу, она протянула электронный акт, дождалась подписи и почти сразу скрылась в дверях.

— Агент Коно, можно вас на минуту?

Рюдзи обернулся: от крыльца к нему быстрым шагом шла доктор Кобаяси. Халат распахнут, лицо раскраснелось, словно она выбежала к нему второпях.

— Конечно.

— Это насчет Ичиро. Моего бывшего мужа.

— Вы все-таки решили забрать прах? Его скоро передадут в общее захоронение.

— Нет. Мое решение не изменилось. Я о другом.

— Слушаю.

Кобаяси помедлила, словно раздумывая, с чего начать.

— Я вам не рассказывала, но давно подозревала, что Ичиро связан с криминалом. В какой-то момент подозрения подтвердились. Мне стало страшно. Поэтому я и сбежала от него, забрав сына.

— Можно конкретнее?

— Однажды я увидела у Ичиро на столе документы. Мельком, не все, но кое-что запомнила: отчеты, переводы через фонды, покупку акций строительных компаний. И старые здания отдельными списками. Убежища, пункты временно-го размещения, дома для беженцев.

— Пока ничего необычного. После катастрофы на этом многие зарабатывали.

— Нет, — тихо сказала Кобаяси. — Основные сделки были заключены еще до нее.

Рюдзи нахмурился.

— Вы думаете, они знали заранее?

— Так это выглядело. Люди теряли дома и семьи, а мы жили так, будто нас это не касалось. Дом в Киото, сад, чайная беседка, водитель, сиделка для сына... Счета я не видела, но представляю, во сколько все обходилось. А незадолго до побега мне предложили высокооплачиваемую должность в на-

учной лаборатории «Шинкай». Думаю, тоже с подачи Ичиро и тех, на кого он работал.

— Но было еще что-то? Раз вы решили заговорить об этом сейчас.

Кобаяси кивнула.

— Девушка, которую вы привезли... Ее фамилия Томоэ?

— Да.

— В тех документах упоминались детские дома: аренда земли, восстановление, переоборудование. Среди них значился детский дом «Томоэ».

— Нара. Район Икаруга.

— Откуда вы знаете?

— Фуюку я забирал сегодня именно оттуда.

На мгновение перед глазами Рюдзи всплыла лицемерная табличка у входа: «Детское счастье — наш путь к лучшему миру».

— Названия компаний не запомнили? — спросил он. — Скорее всего, они подставные, но хоть какая-то зацепка.

— Я сделала фото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.